

Юридическая психология

№ 2/2017

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. Рег. ПИ № ФС77-29367 от 23.08.2007 г.

Издается с 2006 г. Периодичность — 2 раза в полугодие

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Белых-Силаев Д.В.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Полковников Р.М.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Еремин Н.П., Коломойцев М.М., Мудрагей А.И.,
Супрун В.Н., Фролов В.А., Юрасов Н.Н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Багмет А.М., к.ю.н.

Балашов Н.М., к.ю.н., проф.

Вехов В.Б., д.ю.н., проф.

Георгадзе М.С., д.псх.н.

Германов Г.Н., д.п.н., проф.

Горленко В.В., д.в.н., к.ф.н., проф.

Гурьянов Ю.Н., д.псх.н., проф.

Дмитриев И.В., к.псх.н.

Дворянчиков Н.В., к.псх.н.

Дозорцева Е.Г., д.псх.н., проф.

Дьячук И.А., к.соц.н., доц.

Зинченко Ю.П., д.псх.н., проф.

Иванков Ч.Т., д.п.н., проф.

Караяни А.Г., д.псх.н., проф.

Кекелидзе З.И., д.м.н., проф.

Ковалев О.Г., д.ю.н., проф.

Кокурин А.В., к.псх.н., доц.

Котенев И.О., к.псх.н., доц.

Маликов С.В., д.ю.н., проф.

Марченков В.И., д.п.н., проф.

Мишуткин И.В., к.ю.н.

Можгинский Ю.Б., д.м.н.

Мягких Н.И., к.псх.н.

Пашин С.А., к.ю.н., проф.

Попов Д.Г., к.п.н.

Простяков В.В., к.псх.н., доц.

Родионов В.А., д.п.н., проф.

Сафуанов Ф.С., д.псх.н., проф.

Селиверстов В.И., д.ю.н., проф.

Столяренко А.М., д.псх.н., проф.

Холодный Ю.И., д.ю.н., проф.

Цветков Ю.А., к.ю.н.

Эминов В.Э., д.ю.н., проф.

Яковлев В.Ф., д.м.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

РЕДАКЦИЯ:

Калинина Е.С., Лаптева Е.А., Платонова О.Ф.

115035, г. Москва, ул. Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Подписные индексы:

«Роспечать» — 20626; «Объединенный каталог» (АРЗИ) — 91913;

«Каталог российской прессы» — 12779

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ ПРАВА

Карнушин В.Е. Психологический подход
к правоотношению..... 3

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Будякова Т.П. Знание чужой социальной роли
как основа безопасности личности 7
Петров В.Е. Оценка и прогнозирование имиджа
сотрудников дорожно-патрульной службы..... 11
Марьясис И.Б., Простяков В.В. Психология допроса..... 17

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Цыганков С.В., Караяни Ю.М., Караяни А.Г.
Особенности информационно-пропагандистского
воздействия террористической группировки
«Исламское государство» на интернет-аудиторию 20

ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Краснова К.В. Анализ практики формирования
профессиональных компетенций курсантов вузов
силовых ведомств..... 28

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Перевозкина Ю.М., Дмитриева Н.В., Качкина Л.С.
Специфика выраженности ролевых импозитов у
осужденных..... 33

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИГРАФОЛОГИИ

Белых-Силаев Д.В. Психофизиологические методы
детекции лжи 37

Уважаемые авторы, просим вас направлять статьи на электронный адрес
редакции журнала «Юридическая психология»: 014130@mail.ru

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министер-
ства образования и науки Российской Федерации для публикации
основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кан-
дидата и доктора юридических и психологических наук.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа»

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Тираж: 1500 экз.

Цена свободная

Номер подписан: 11.05.2017

Дата выхода в свет: 29.06.2017

ISSN 2071-1204

Juridical Psychology

№ 2/2017

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. REG. PI № ФС77-29367 of 23.08.2007.
Published quarterly. Published since 2006.

FOUNDER:

Publishing Group "JURIST"

EDITOR IN CHIEF:

Bely'kh-Silaev D.V.

DEPUTY EDITOR IN CHIEF:

Polkovnikov R.M.

ASSISTANTS TO THE EDITOR IN CHIEF:

Eremin N.P., Kolomojtssev M.M., Mudragei A.I.,
Suprun V.N., Frolov V.A., Yurasov N.N.

EDITORIAL BOARD:

Bagmet A.M., candidate of juridical sciences,
Balashov N.M., candidate of juridical sciences, professor,
Vekhov V.B., doctor of juridical sciences, professor,
Georgadze M.S., doctor of psychological sciences,
Germanov G.N., doctor of pedagogical sciences, professor,
Gorlenko V.V., doctor of military sciences, professor,
Gur'yanov Yu.N., doctor of psychological sciences, professor,
Dmitriev I.V., candidate of psychological sciences,
Dvoryanchikov N.V., candidate of psychological sciences,
Dozortseva E.G., doctor of psychological sciences, professor,
D'yachuk I.A., candidate of sociological sciences, assistant professor,
Zinchenko Yu.P., doctor of psychological sciences, professor,
Ivankov Ch.T., doctor of pedagogical sciences, professor,
Karayani A.G., doctor of psychological sciences, professor,
Kekelidze Z.I., doctor of medical sciences, professor,
Kovalev O.G., doctor of juridical sciences, professor,
Kokurin A.V., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Kotenev I.O., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Malikov S.V., doctor of juridical sciences, professor,
Marchenkov V.I., doctor of pedagogical sciences, professor,
Mishutkin I.V., candidate of juridical sciences,
Mozhginskij Yu.B., doctor of medical sciences,
M'agkikh N.I., candidate of psychological sciences,
Pashin S.A., candidate of juridical sciences, professor,
Popov D.G., candidate of pedagogical sciences,
Prostyakov V.V., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Rodionov V.A., doctor of pedagogical sciences, professor,
Safuanov F.S., doctor of psychological sciences, professor,
Seliverstov V.I., doctor of juridical sciences, professor,
Stolyarenko A.M., doctor of psychological sciences, professor,
Kholodny'j Yu.I., doctor of juridical sciences, professor,
Tsvetkov Yu.A., candidate of juridical sciences,
E'minov V.E., doctor of juridical sciences, professor,
Yakovlev V.F., doctor of medical sciences

EDITOR IN CHIEF OF PUBLISHING GROUP "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

EDITORIAL OFFICE:

Kalinina E.S., Lapteva E.A., Platonova O.F.

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,

Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., candidate of juridical sciences

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel./fax: (495) 617-18-88

(multichannel)

SUBSCRIPTION:

Rospechat' – 20626; United Catalogue – 91913;

Catalogue of the Russian Press – 12779

CONTENTS

THEORETICAL ASPECTS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Karnushin V.E. Psychological Approach
to Legal Relationship..... 3

PSYCHOLOGY OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

Budyakova T.P. Knowledge of Another Person's
Social Role as Fundamental of Security of Individual 7
Petrov V.E. Assessment and Forecast of Image
of Road Patrol Service Officers..... 11
Maryasis I.B., Prostyakov V.V. Psychology
of Interrogation..... 17

MILITARY PSYCHOLOGY ISSUES

Tsygankov S.V., Karayani Yu.M., Karayani A.G.
Peculiarities of Informational and Propagandist Influence
of the Islamic State Terrorist Group
on Internet Audience..... 20

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY ISSUES

Krasnova K.V. Analysis of Professional Competence
Forming Practice of Cadets of Higher
Educational Institutions of Security Agencies 28

PUNISHMENT EXECUTION PSYCHOLOGY ISSUES

Perevozkina Yu.M., Dmitrieva N.V., Kachkina L.S.
Specifics of Role Imposition Intensity of Convicts..... 33

POLYGRAPH EXAMINATION ISSUES

Belykh-Silaev D.V. Psychophysiological Lie Detection
Methods..... 37

Dear authors, please send your articles to the electronic address of the editorial office of journal "Juridical Psychology": 014130@mail.ru

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Sciences of the Russian Federation for publication of basic results of doctoral theses.

The journal is included in the database

Russian science citation index **eLIBRARY.RU**

Printed by LLC "National Polygraphic Group"

Tel.: (4842) 70-03-37 Circulation: 1500 copies.

Free market price.

Passed for printing: 11.05.2017

Edition was published: 29.06.2017

ISSN 2071-1204

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРАВООТНОШЕНИЮ

Карнушин Вячеслав Евгеньевич,
 директор ООО «Городской юридический департамент»,
 кандидат юридических наук
 KarnushinV@gmail.com

В статье рассмотрены существующие подходы к правоотношению. Определено место правоотношения в сознании людей. Кратко рассмотрена структура правоотношения с позиции психологического понимания правоотношения.

Ключевые слова: правоотношение, представление о правовой связи, структура правоотношения, правовая форма, материальное содержание.

PSYCHOLOGICAL APPROACH TO LEGAL RELATIONSHIP

Karnushin Vyacheslav E.,
 Director of City Legal Department, LLC,
 Candidate of Legal Sciences

The article examines the existing approaches to the relationship. There is determined the place of legal relationship in the mind of people. Briefly reviewed the structure of the legal relationships from the perspective of psychological understanding of legal relationship.

Key words: legal relationship, notion of legal relationship, structure of legal relationship, legal form, material content.

Человек одновременно является и животным существом, и разумным существом. Наличие разума у человека предопределяет его особое место в царстве животных. Разум определяет возможность человеческих существ к более сложной организации. Такого рода организация является социальной организацией. Социальная организация носит наименование «общество». Общество призвано удовлетворять интересы человеческого разума. Всякая организация предполагает взаимную связь входящих в нее элементов. Общественные связи возникают благодаря разумной деятельности людей. При этом, думается, все же значимым фактором является разум человека — это главный, определяющий фактор в поведении людей. В советское время марксистский подход указывал на определенность общественного сознания общественным бытием¹. Между тем нельзя сводить роль человека к техническому элементу, детерминированному общественными силами, потому что такой подход сводит понимание человека к животному, руководствующемуся не своей мыслительной деятельностью, а некоторыми общественными силами, потребностями. Свобода человека определяет действия человека в обществе. Свободный разум человека в конечном итоге руководит действиями человека по вступлению в те или иные общественные отношения. Традиционно указывается, что право — это регулятор общественных отношений. Но чем является это самое общественное отношение? Материалистическая диалектика указывает на общественную действительность, стало быть, общественное отношение — это частичка общественной действительности. Но может ли су-

ществовать эта действительность без наличия разума человека? Ответ, очевидно, будет отрицательным. Действительность — это существование в пространстве и времени какой-либо вещи без необходимого на то представления в разуме человека, то есть это существование само по себе. Но как это возможно, если общественные отношения невозможны без разумной деятельности человека, то есть без представления о них? Это невозможно никак, поэтому общественное отношение не есть некоторая действительность, а есть представление о некоторой идеальной связи между людьми. Саму связь действительной назвать нельзя, потому что ее нельзя обнаружить путем наблюдения. Связь существует в психике человека, причем в психике каждого конкретного человека.

С этой позиции любая идеалистическая концепция правоотношений будет выглядеть предпочтительнее материалистических концепций. Некогда критикуемый и полностью забытый в советское время Ф.К. Савиньи писал о сущности правоотношений как области независимого господства индивидуальной воли². Можно адресовать критику Ф.К. Савиньи за индивидуализацию и за исключительность (независимость) воли, однако, думается, обращать внимание нужно не на определение воли, а на место, где следует искать правоотношение, — на психику субъекта. Л.И. Петражицкий, рассуждая о праве, писал: «Дело идет именно о мнениях этих индивидов, а не об объективно существующих предметах, и эти мнения могут быть различны»³.

² Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 456–458.

³ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 147.

¹ Явич Л.В. Сущность права. Л.: Изд. ЛГУ, 1985. С. 8.

У всеобщей интеллектуализации и сенсуализации имеются недостатки, в частности, непризнание существования объективного права самого по себе, независимо от его восприятия человеком, но все же это никоим образом не умаляет авторитет Л.И. Петражицкого в его исследованиях субъективных прав, обязанностей, правоотношений. Здесь, в отличие от сферы объективного права, действуют субъектные и субъективные закономерности. И тем вернее это утверждение будет, если будут четко отграничиваться отрасли объективного права.

Субъективное право представляет собой атрибутивное переживание в психике управомоченного лица, в самом общем виде лицо осознает определенную возможность к определенному внешнему поведению. Субъективная обязанность, напротив, дает императивное переживание, то есть в самом общем виде определенную необходимость определенного поведения.

Правоотношение есть связь субъективных прав и обязанностей. Само по себе осознание связи происходит в психике обоих субъектов, у обязанного и управомоченного имеется представление этой связанности, взаимной связанности.

Думается, что только в психике субъекта может быть обнаружена связь между объективным правом и общественным отношением. Иного быть не может, потому что правоотношения не являются простой проекцией права на действительность. Объективное право воздействует своим существованием на людей, побуждает к возникновению определенных представлений относительно тех или иных правовых норм. С другой стороны, схожее воздействие оказывает общественная действительность, и всякая действительность вообще на психику субъекта. Правоотношение возникает как раз таки в результате такого двустороннего взаимодействия в психике субъекта.

Обращает на себя внимание исследование О.С. Иоффе относительно правоотношения. С одной стороны, О.С. Иоффе говорит, что правоотношение юридически закрепляет поведение участников⁴. Иначе говоря, правоотношение и есть то, что закрепляет и обязывает к определенному поведению. С другой стороны, О.С. Иоффе указывает, что всякое правоотношение регулируется нормами права, установленными или санкционированными государством⁵. С этой стороны, получается, что правоотношение само есть результат регулирования общественного отношения нормами права.

Получается, что правоотношение и закрепляет, и само регулируется нормами права. Из этого подхода вытекает, что правоотношение находится в некотором действительном иерархическом ряду между общественным отношением и правовыми нормами. Располагая правоотношение в действительности, О.С. Иоффе придает правовому отношению смысл, отличный от всех других общественных отношений.

⁴ Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 3-е изд., испр. М.: Статут, 2009. С. 527.

⁵ Там же. С. 528.

Но если правоотношение находится в действительности, то и отличный смысл должен быть также найден в действительности, то есть он должен получить материализацию. Но где этот отличный смысл, где эта отличительная юридическая черта? Думается, ее найти невозможно. Общественные отношения могут быть имущественными, могут быть не связаны с имуществом, но критерий классификации вовсе не является юридическим, а экономическим.

Вышеизложенный критический аргумент позиции О.С. Иоффе дает повод искать правоотношение в другом месте, то есть не в сфере действительности.

Для образца можно проанализировать позицию Р.О. Халфиной. Ученый определяет правоотношение как единство материального содержания и правовой формы. Само правоотношение является абстрактным понятием, однако оно обозначает конкретную суть⁶. При этом образуется непреодолимый пробел между конкретикой и абстракцией. На это указывает Р.О. Халфина: «Диалектическими противоречиями, неизбежными при самом высоком уровне правового регулирования, являются противоречия, связанные с динамикой содержания и относительной устойчивостью формы»⁷. Чем можно восполнить этот пробел? Не связан ли этот пробел с отрицанием роли личности в обществе? Думается, материализм даже в развитой диалектической форме не может восполнить этот пробел ничем. Общественные отношения, объективное право — это явления действительные и наличные, но эти явления разнопорядковые хотя бы по уровню конкретизации, и без привлечения «третьего элемента» (некоторого стороннего явления) они не могут быть совмещены и образовывать единство. Таким третьим элементом может являться только человеческая психика. Только в разуме человека возможно разрешение их диалектического противоречия.

Другим подходом является подход, понимающий правоотношение только как правовую форму, — теория идеологических правоотношений. В настоящее время эта теория поддерживается В.А. Беловым. По его мнению, для юриста важны юридические нормы и результаты их воздействия на жизненные отношения. Этим результатом и являются правоотношения — идеологическая форма конкретных жизненных отношений⁸. Логика здесь присутствует, более того, правильно указывается на то, что необходимо именно юристу. Но возникает вопрос: как можно понять суть результата (имеется в виду результат воздействия правовых норм на жизненные отношения), не понимая его причин? Изучая таким образом право, очевидно, юристы никогда не вырвутся из пут нормативизма. Не представится возможным прогресс ни в юридической науке, ни в законотворчестве. Задача юридической науки, по нашему мнению, не может сводиться исключительно к познанию существующего, но должна быть направлена на будущее, на развитие. Даже смелые и ино-

⁶ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 79–81.

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 371.

гда радикальные предложения в науке могут внести неочинимый вклад для общества, который в момент высказывания самих предложений может быть совершенно неочевиден. Кроме того, если этимологически использовать термин «правоотношение», общеизвестно, что в самом объективном праве этот термин не используется вообще. Речь идет о правах, об обязанностях, но связи как таковой нет. Связь также возможна только с помощью интеллектуальной деятельности людей.

На наличие связи и зависимости человека от других людей указывали и дореволюционные ученые⁹. Сам Н.М. Коркунов также утверждал, что для юриста важна лишь юридическая форма, потому что именно она объединяет многочисленность конкретных однотипных общественных отношений в рамках абстрактной правовой формы. Здесь еще раз следует отметить, что изучение исключительно правовой формы не может быть признано абсолютно верным. Юрист должен изучать и общественную действительность, и возможные психические переживания субъектов. Иначе правовая форма может неправильно пониматься, существовать в качестве «голого» права. Именно поэтому большинство современных исследований используют очень широкий практический материал по изучаемой проблематике, а также в отдельных случаях политический и экономический устой изучаемой сферы общественной жизни.

Суть гражданского правоотношения в том, что правоотношение не является только правовой формой, равно как не является и только конкретным жизненным отношением, на которое оказали воздействие нормы права.

Несмотря на всеобщую материализацию, в советское время высказывались и очень приемлемые мнения. Н.Г. Александров отмечал, что на правоотношение можно смотреть с трех позиций: со стороны управомоченного лица правоотношение выступает как субъективное право, со стороны обязанного лица правоотношение выступает как субъективная обязанность, а с точки зрения объективной — правоотношение есть связь права и обязанности¹⁰. С выводом о том, что субъективное право, субъективная обязанность и правоотношение означают одно и то же, не согласиться нельзя. Однако сложно представить себе некоторый объективный взгляд на правоотношение. С чьей стороны правоотношение выступает как связь? Со стороны всякого лица — не участника правоотношения? Возможен и такой ответ. Однако здесь мы вынуждены признать и то, что правоотношение как связь существует не только с точки зрения некой третьей стороны, но и в психике как управомоченного, так и обязанного. Истинные конкретные психические процессы скрыты от юриста и не могут стать предметом изучения юридической

науки, однако представление о некоторой связи имеет место. Субъект не обязательно должен мыслить и переживать атрибутивные эмоции, когда он наделен субъективным правом, он может мыслить и об обязанном лице. Таким же образом обязанный субъект может думать об управомоченном. Может быть и ситуация, когда управомоченный осознает именно свое право, а обязанный — обязанность, но осознание связи всегда имеет место. Что позволяет назвать такое отношение правовым? Ответ состоит в том, что связь, отношение осознается правовым за счет воздействия (либо возможности воздействия) объективных правовых норм на психику человека. При этом сила и метод воздействия в зависимости от отрасли права, как выше указывалось, будут различными в зависимости от отрасли права. В гражданском праве воздействие будет идти прежде всего со стороны совести, которая, как правило, соотносится с гражданско-правовыми нормами. В административном праве воздействие идет преимущественно со стороны норм права (если не сказать всецело).

Такой взгляд на правоотношение как проекцию общественной действительности и объективного права в психику человека предопределяет иное содержание и вид понятия правоотношения. Правоотношение как понятие представляет собой конкретное понятие с точки зрения классификации понятий на абстрактные и конкретные. Конкретика проявляется в том, что абстрактная правовая норма применяется субъектом к конкретной жизненной ситуации. При таком сопоставлении образуется конкретное понятие правоотношения.

Итак, если в нормах права говорится о субъективном праве, субъективной обязанности, то речь идет об одном и том же правоотношении. Именно этот подход предопределяет особое понимание структуры правоотношения.

Традиционно в структуру правоотношения включаются субъекты, содержание и объект. При этом отмечается, что содержание правоотношений включает в себя материальное и юридическое содержание правоотношения. Материальное содержание правоотношения — это поведение субъектов правоотношения, а юридическое содержание — это субъективное право и обязанность субъектов¹¹.

Такой подход к структуре в свете принимаемого идеалистического понятия правоотношения неприемлем. Правоотношение понимается как некоторое мысленное идеальное понятие, поэтому в него не может включаться ничего материального. То есть в правоотношение нельзя включить материальное содержание правоотношения. Материальное содержание, то есть само поведение субъектов, будет являться предпосылкой правоотношения. Общественные отношения безусловно оказывают воздействие на психику субъектов, но они не могут сами по себе являться частью психики человека. То же самое **нужно говорить** об объективном праве — оно пред-

⁹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов; [сост., автор вступ. ст., коммент. А.Н. Медушевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 520 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). С. 199–206.

¹⁰ Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение. М., 1947. С. 18, 19.

¹¹ Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». 2009. С. 317, 319.

ставляет собой объективированный в действительности источник правил поведения и сам находится в сфере действительности, именно поэтому такой же предпосылкой правоотношения следует признавать нормы права, в связи с которыми возникают правоотношения.

Следует отметить, что материальное содержание, то есть общественное отношение, является логической предпосылкой правоотношения, но оно может являться и результатом правового регулирования. Случай, когда нормы права побуждают к определенному поведению, нельзя назвать примером, когда поведение является предпосылкой правоотношения, поэтому уместно здесь отметить, что поведение является не предпосылкой, а результатом правового регулирования. Но на самом деле это не совсем так: общественное отношение в действительности протекает всегда параллельно с мыслимым правоотношением, — определить в такой ситуации, что является предпосылкой, а что является результатом, крайне сложно. Ответ на вопрос кроется в том, что первично в нашей психике: познание объективного права (правовых норм) или восприятие действительности. Если познание норм права первично, то общественное отношение будет результатом правоотношения, хотя бы и существующего параллельно с ним во времени, если же познание действительности первично, то общественное отношение является предпосылкой правоотношения. Поскольку в гражданском праве наблюдается именно второй случай, когда первичным оказывается познание общественной действительности, то уместно говорить именно о том, что общественное отношение есть предпосылка правоотношения. В административном праве — совершенно наоборот: раньше происходит познание правовых норм, затем мыслится правоотношение сообразно совершаемым действиям, то есть с общественным содержанием. Именно поэтому общественное отношение здесь выступает как результат.

В сфере гражданского правоотношения общественное отношение следует понимать как предпосылку правоотношения.

Остановка на вопросе общественного отношения — предпосылки-результата правоотношения важна потому, что правоотношение находится в психике субъекта как бы посередине между двумя действительностями: правовой формой с абстрактным содержанием и конкретной общественной действительностью как содержанием. В этой середине, в правоотношении, происходит объединение двух реальностей, что и представляет собой психический процесс. Психика человека испытывает в любом случае двустороннее влияние: со стороны объективного права и со стороны общественной действительности. В зависимости от того, какое влияние первично, и происходит определение предпосылок правоотношения.

Относительно юридического содержания правоотношения — прав и обязанностей — следует отметить, что права и обязанности по сути и есть правоотношение. Иначе говоря, права и обязанности право-

отношения — это не элементы структуры правоотношения, а само правоотношение, определенное с той или иной стороны. Права и обязанности и есть суть правоотношения.

Также выделяемые субъекты и объекты правоотношения в области психики представляют собой не сами предметы, а лишь представления о них. При этом в самом широком виде представление о субъекте правоотношения — это представление о тех людях, которые связаны правами и обязанностями между собой. Представление об объекте следует понимать очень широко, потому что это то, по поводу чего возникает правоотношение. Существенная разница между субъектами и объектами в том, что субъект мыслится как разумное существо, существо свободное, а не только органическое. Вот почему животные выступают в качестве объектов отдельных правоотношений, но никогда не могут в таком качестве выступать люди. Иначе говоря, исторически существовавший феномен рабства с точки зрения философско-правовой не вполне объясним. Рабы противопоставлялись людям как существа, не наделенные разумом.

Выше мы отметили, что материальное содержание и нормы права являются предпосылками правоотношения. Такими же предпосылками выступают юридические факты. Юридические факты как внешние явления не являются элементом правоотношения, они лишь запускают в действие нормы права, побуждают субъекта мыслить о возникшем правоотношении и о том, что общественное отношение является правовым.

Литература

1. Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение / Н.Г. Александров. М., 1947. 27 с.
2. Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник / В.А. Белов. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. 960 с.
3. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О.С. Иоффе. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2009. 782 с.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов; [сост., автор вступ. ст., коммент. А.Н. Медушевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 520 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века). С. 199–206.
5. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Мелехин. 2-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». 2009. 640 с.
6. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. СПб., 2000. 608 с.
7. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. I / Ф.К. фон Савиньи; пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. 510 с.
8. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М., 1974. 351 с.
9. Явич Л.В. Сущность права / Л.В. Явич. Л.: Изд. ЛГУ, 1985. 205 с.

ЗНАНИЕ ЧУЖОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ КАК ОСНОВА БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Будякова Татьяна Петровна,
профессор кафедры психологии и педагогики
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина,
кандидат психологических наук, доцент
budyakovaelez@mail.ru

Изучаются возможности социально-ролевого подхода для обеспечения безопасности личности. В качестве метода исследования использован психологический анализ уголовных дел, в основу которого положены социально-ролевые критерии. Выявлено, что несформированность социально-ролевых представлений о роли контрагента по социально-ролевой диаде является одной из значимых причин криминальных конфликтов, особенно в социальных группах, для которых общество практически не выработало приемлемых социально-ролевых правил и установок. В частности, показано, что бездомные и нищие становятся преступниками в ситуациях, когда жертва нарушает специфические правила взаимодействия, свойственные этой категории людей. При этом жертва, как правило, не знакома с этими правилами или имеет о них искаженные или поверхностные представления.

Ключевые слова: личность, безопасность, социальная роль, криминальный конфликт, жертва, преступник, бездомные, нищие.

KNOWLEDGE OF ANOTHER PERSON'S SOCIAL ROLE AS FUNDAMENTAL OF SECURITY OF INDIVIDUAL

Budyakova Tatyana P.,
Professor of the Department of Psychology and Pedagogics
of the Bunin Yelets State University,
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor

The possibilities of the socially-role approach for ensuring the security of the individual are being studied. As a method of research, a psychological analysis of criminal cases is used, based on social-role criteria. It was revealed that the lack of formation of social and role representations about the role of the counterparty in the social role dyad is one of the significant causes of criminal conflicts, especially in social groups for which the society has not developed acceptable social and role rules and regulations. In particular, it is shown that the homeless and beggars become criminals in situations when the victim violates the specific rules of interaction peculiar to this category of people. In this case, the victim, as a rule, is not familiar with these rules or has distorted or superficial views about them.

Key words: personality, security, social role, criminal conflict, victim, criminal, homeless, beggars.

ВВЕДЕНИЕ

В современных юридико-психологических исследованиях совершенно справедливо большое внимание уделяется проблемам обеспечения безопасности личности. В них, в частности, выявлено, что психологические аспекты безопасности личности включают вопрос осведомленности потенциальной жертвы о рисках и ожиданиях в возможных опасных ситуациях (Holgersson, 2016), вопрос содержания психологических установок по отношению к личности преступника (Watson et al., 1997) и др.

Предметом нашего эмпирического исследования стало изучение того, как незнание социальной роли партнера по общению становится фактором преступления. Материалом исследования были уголовные дела об убийствах, грабежах и побоях.

Психологический анализ уголовных дел стал применяться в судебной практике и изучаться психологами еще в начале XX века. На заре юридической психологии К. Марбе и его коллегами было обнаружено, что, например, показания участников

уголовного судопроизводства меняются в зависимости от ряда обстоятельств: особенностей техники допроса, в частности, когда применяются психологические методы воздействия на допрашиваемого, от психологического окружения субъектов уголовного дела и т.д. (Брусиловский, 1929). Психологический анализ уголовного дела отличается тем, что направлен, кроме прочего, на выявление тех элементов показаний участников уголовного судопроизводства, которые не становятся частью доказательной базы следствия, однако позволяют выявить психологические причины преступности.

Дефекты в социально-ролевой организации личности, как отмечается в документах ООН по предупреждению преступности, являются наиболее частыми причинами преступлений (Руководство ООН, 2009). Данные современных криминологических исследований свидетельствуют о доминировании социально-ролевого фактора среди причин преступлений против личности. Так, по данным комплексных исследований ролевой конфликт лежал в основе

84% умышленных убийств, 78% причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного в семье и быту, 98% изъятий (Кудрявцев, Эминов, 2005). Вместе с тем возможности применения социально-ролевого подхода для разрешения проблем психологической профилактики преступлений практически не исследованы.

Термин «социальная роль» ввел в научный оборот Д. Мид, хотя и не дал его определения. Однако важным итогом его работы стал сделанный им акцент на понимании значения фактора диадности социальных ролей в их правильном усвоении. Социальная роль диадна, так как предполагает контрпартнера по взаимодействию, например, роль мужчины реализуется по отношению к роли женщины, роль матери по отношению к носителям ролей сына или дочери, роль врача по отношению к роли пациента и т.д. По мнению Мида, для того чтобы понять другого человека, надо исполнить (хотя бы виртуально) роль контрпартнера по общению. Так, для того чтобы понять врага, надо встать на его позицию (Андреева и др., 1978). Продолжая мысль Д. Мида, очевидно, что для того, чтобы не стать жертвой преступления, нужно знать и понимать особенности социально-ролевой организации потенциального преступника.

Для разрешения с помощью социально-ролевого подхода проблем психологической профилактики преступлений против личности важна позиция Т. Шибутани. Он убедительно доказал, что для предупреждения и преодоления социально-ролевых конфликтов не всегда обязательно внутренне позитивное принятие социальной роли, часто достаточно добросовестного выполнения предписаний роли. Это раскрывает возможности через обучение продуктивным сценариям выполнения роли избегать конфликтов социально-ролевого характера, в том числе криминальных. Другой важный вклад в разработку рассматриваемой проблемы, сделанный Т. Шибутани, заключается в получении эмпирических данных о том, что у людей, имеющих сходные представления о сценариях выполнения конкретных социальных ролей, конфликты социально-ролевого плана возникают в несколько раз реже, чем у контрпартнеров, имеющих существенные сценарные вариации (Шибутани, 1969). Это факт психологически значим в ситуациях, когда жертвой социально-ролевого конфликта становится лицо, социально приемлемо выполнявшее свою роль, а контрпартнер имел другие представления о правилах реализации данной роли.

Как показывают современные исследования, наиболее подвержены рискам насилия потенциальные жертвы, у которых не сформированы ролевые представления и правила поведения, соответствующие общественным предписаниям, или сформировались неадекватные ролевые установки (DeRiviere, 2014). Это порождает нарушение взаимных ожиданий и ведет к конфликту (Марьясис, Простяков, 2016). Кроме того, есть несколько социальных групп, для которых общество практически не выработало приемлемых социально-ролевых правил и установок. Среди них, в частности, бездомные, безработные и нищие, представители ЛГБТ-сообщества, лица, занимающиеся проституцией, преступники и др.

Их собственная среда в ряде случаев формирует специфические правила поведения, которые не известны представителям традиционных групп. Конфликты, возникающие между представителями таких групп и традиционных групп, часто основаны на незнании правил взаимодействия в асоциальных или полусоциальных группах (Лапшина, Кочеткова, 2016; Бутенко, Брижак, Березин, 2016).

Полагаем, что для полномасштабного учета социально-ролевого фактора в генезе преступления необходимо учитывать следующие критерии: а) уровень знания социальной роли преступником или жертвой; б) степень овладения ими ролевыми действиями; в) знание не только своего сценария в социально-ролевой диаде, но и сценария роли контрпартнера; г) умение рефлексировать различия в понимании сценариев выполнения социальной роли ее носителем и контрпартнером по взаимодействию. Эти критерии были положены нами в основу психологического анализа уголовных дел.

МЕТОДИКА

В исследовании был применен метод психологического анализа уголовных дел.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Анализируя механизм совершения преступления по материалам уголовных дел, мы обратили внимание на то, что часто убийцей или грабителем становятся лица, которых будущие жертвы не воспринимают как потенциально опасных. Также оказалось, что социально-ролевые признаки преступников жертвам были практически неизвестны либо представление о них было крайне поверхностное. Приведем в качестве примера материалы уголовного дела, рассмотренного в 2013 году в одном из российских судов.

Приведем его фабулу:

Безработный и бездомный по фамилии Сидоров поздно вечером пришел к Аникиной, которая торговала на дому водкой, с просьбой продать ему бутылку алкоголя. Аникина отказалась продавать водку, при этом оскорбила Сидорова: назвала его ненужным человеком, мешающим ей отдыхать. Сидоров, у которого с собой был нож, от обиды ударил Аникину ножом. От полученной раны Аникина скончалась на месте.

Психологический анализ материалов уголовного дела позволил составить социально-ролевую характеристику личности Сидорова, которую не учла его жертва. Основная социальная роль, которую осуществлял Сидоров, — это была роль бездомного.

Сидоров ночевал и питался у своих собутыльников. Источником дохода были случайные заработки. Стержневые линии в осуществлении жизнедеятельности таких лиц, как показывают материалы уголовного дела, обычно состоят их трех основных дел: а) «что поесть»; б) «где помыться»; в) «где поспать». В материалах уголовного дела есть запись допроса Ковалева, приятеля Сидорова, который обладал тем же статусом, что и Сидоров. Преступник накануне убийства встретил Ковалева, который занимался по-

прошайничеством и угостил его мясом и овощами. После общей трапезы Сидоров пообещал, что поможет Ковалеву помыться, поскольку знает место, где можно бесплатно принять душ.

Социально-ролевые установки Сидорова особенно ярко проявились после совершения им убийства. Аникина была убита в кухне. Сразу после убийства, несмотря на наличие окровавленного трупа, Сидоров достал из холодильника, стоявшего в кухне, продукты, разогрел их на сковороде, затем отнес сковороду в зал и там поужинал. В ходе предварительного следствия родственники погибшей были удивлены, почему сковорода с остатками еды оказалась в зале, — погибшая была очень чистоплотной. Они не могли с их ролевыми установками осознать, что можно готовить еду и есть в присутствии трупа жертвы. После трапезы Сидоров пошел в ванную и принял душ. Затем он нашел в вещах погибшей чистые, подходящие ему вещи и переоделся в них. Найдя деньги и драгоценные украшения, он покинул квартиру убитой.

Социально-ролевой анализ материалов данного уголовного дела позволяет сделать вывод о том, что для Сидорова погибшая была человеком из другой социальной страты, враждебной для него. Ковалев был для него своим человеком, из своего клана, которому надо помогать, что соответствует описанной в психологии стратегии *ingroupfavoritism*, под которой понимается предпочтение своей группы (и ее членов) перед другими группами при распределении благ (Котова, 2016). В свою очередь Ковалев также уважительно относился к Сидорову, поскольку тот был способен оказать важные в этой среде услуги: накормить и помыться. Погибшая же Аникина своим поведением показала, что статус Сидорова является для нее презируемым, а его она не уважает. Здесь был нанесен ущерб позитивному самовосприятию личности, которое является основой удовлетворенности отношений (Schaffhuser et al., 2016).

Унижение чести и достоинства является одним из традиционных поводов для совершения убийства. Наиболее известными в психологии работами по изучению личности убийцы с помощью метода анализа уголовных дел являются исследования американских психологов Д. Лакенбилла и К. Полка (Luckenbill, 1977, Polk, 1994). В указанных работах было наглядно показано, что в основе криминального конфликта лежит оскорбление жертвой потенциального преступника. Однако в них не затрагивались вопросы социально-ролевых отношений преступника и жертвы.

В приведенном выше примере уголовного дела погибшая исходила из неверного представления о бездомных как о личностях, опустившихся настолько, что для них не важны вопросы личной чести и достоинства. Однако на самом деле, как показывает судебно-следственная практика, у таких людей представления о нравственности хотя и сопряжены с их социально-ролевым статусом, но в общем плане имеют те же основания, что и у обычных людей.

Аналогичные выводы можно сделать и по материалам других уголовных дел, участниками которых являлись бездомные. Так, в 1999 году в Москве рассматривалось уголовное дело о грабеже. Жертвой стал врач, от которого накануне ушла жена. Он ре-

шил расслабиться с помощью алкоголя. Для компании он пригласил в свою квартиру двух бездомных. Он полагал, что они лучше, чем другие, поймут его состояние и будут помогать сочувствием, поскольку они находятся «на дне жизни», а он — «на дне личной жизни». Однако бездомные не испытывали сочувствия к жертве, человеку из другой социальной среды. Дождавшись, когда врач захмелеет, избили его и забрали из квартиры все ценные вещи. В материалах уголовного дела было отражено недоумение жертвы фактом, что его представления о людях без определенного места жительства как о страдающей стороне оказались полностью опровергнутыми практикой взаимодействия с ними. Бездомные же отнеслись к жертве как к лицу, которое «с жиру бесится», поскольку имеет то, о чем такие, как они, мечтают, и не ценит этого, и решили наказать его за это. Жалость к себе бездомные восприняли как неуважение.

Современные психологические исследования нищих и бездомных также в основном исходят из неверного предположения о том, что эта категория людей в основном страдающая сторона, что они жертвы стигматизации¹. Так, исследователи отмечают, что в спектре эмоциональных переживаний нищих преобладают чувства беспомощности, отчаяния, обреченности и самообвинения (Дьяконов, Бутовская, 2003), что у них хроническое чувство стыда, которое заставляет человека наказывать самого себя, и склонность к суицидальным мыслям (Wurmser, 1987). Практически нет исследований об особенностях представлений этой категории лиц о чести и достоинстве. Материал такого рода можно почерпнуть из судебной практики.

Приведем еще один пример из материалов уголовного дела о нанесенных побоях. Бездомный, наклонившись с головой в мусорный контейнер, искал там подходящие ему вещи и продукты. Житель одного из домов выносил мусор. Желая сделать, как ему казалось, доброе дело для бездомного, он высыпал мусор не в свободный контейнер, а в тот, в который наклонился бездомный, с тем чтобы увеличить ему объем материала для выбора. Бездомный воспринял это действие как оскорбление и нанес побои жертве. Житель не сделал бы подобного, если бы в контейнер наклонился, например, его сосед, случайно выбросивший нужную ему вещь. Реакция бездомного была для жертвы неожиданной: сказался диссонанс ожиданий ролевого и реального поведения.

Представляется, что наиболее правильным подходом в исследовании особенностей личности бездомных и нищих является типологический. Данный подход представлен в работе российского этнографа XIX века И.Г. Прыжова (1852) «Нищие на святой Руси», в которой описаны социолого-психологические типы нищих в дореволюционной России. Данная работа уникальна с психологической точки зрения тем, что в ней впервые показаны варианты поведения разных типов нищих в трудных жизненных обстоятельствах. Для одних характерно поведение с доминированием чувства стыда, для других — агрессивное, для третьих — манипулятивное, осно-

¹ Стигматизация — это клеймение, навешивание социальных ярлыков.

ванное на обмане. В исследовании Н.Ю. Ключевой, посвященном личности бездомных, выделены психологические типы современных бездомных: а) не признающие своих социальных и психологических проблем; стыдящиеся своего статуса; б) осознающие и не отрицающие своего социального положения; в) смирившиеся со своим положением, самодостаточные и автономные (Ключева, 2011).

Важным выводом психологического анализа описанных выше уголовных дел является необходимость акцента ориентации потенциальных жертв на вероятности опасности со стороны чуждых им по социально-ролевой принадлежности субъектов. Кажущиеся безобидность и беспомощность потенциального преступника могут быть следствием неполных знаний о социально-ролевых характеристиках некоторых социальных групп. В указанном выше исследовании Н.Ю. Ключевой выявлено, что отношения в среде бездомных отличаются меркантильностью; отсутствием близких, дружеских отношений, подчинением законам среды бездомных (Ключева, 2011).

Это подтверждается фактами из полицейской практики. Приведем пример, показательный с точки зрения норм общения в среде бездомных. Жена выгнала супруга из дома. Тот, для того чтобы обеспечить себе ночлег, нашел в подъезде стопку развернутых бумажных коробок и лег там спать. Ночью его разбудил бездомный, гневно объясняя, что это его давнее место ночлега. Выгнанный супруг стал возражать, что подъезд — не частная территория, а оставленные коробки просто — ничейный мусор. Бездомный ответил, что в их сообществе этот подъезд признан его местом обитания, а коробки — его собственность, поскольку он лично принес их с почты. Отношения завершились побоями.

В качестве аргументов значимости социального ролевого подхода при анализе подобных случаев можно привести рассуждения В.М. Розина. Он справедливо отмечает, что психологической ошибкой людей часто бывает их поведение в ситуации, когда они меряют чужую жизнь «своим метром», хотя надо иметь в виду, что каждый человек имеет свой мир, в котором он находит смысл своего существования. Для нищего, нашедшего на помойке старое одеяло, это событие не менее яркое и значительное, чем для ученого выход в свет новой статьи или книги (Розин, 2013). В описанных выше случаях незнание социально-ролевых правил жизни бездомных привело к криминальным конфликтам.

ВЫВОДЫ

1. Лица, представляющие разные социальные слои, часто не имеют правильного представления о социально-ролевой организации друг друга.

2. Неверные представления о правилах реализации роли контрапартнера по общению могут привести к социально-ролевому конфликту, в том числе и с криминальными последствиями.

3. У нищих и бездомных есть собственные представления о чести и достоинстве, существуют нормы ролевого поведения, отражающие их социальный статус. Незнание этих правил может стать причиной преступления.

Литература

1. Андреева Г.М. Современная социальная психология на Западе / Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская. М. : МГУ, 1978. С. 70–83.
2. Брусиловский А.Е. Судебно-психологическая экспертиза. Ее предмет, методика и пределы / А.Е. Брусиловский. Харьков: Юридическое издательство Украины, 1929.
3. Бутенко О.С. Профессиональная идентификация как компонент профессиональной самореализации сотрудников Следственного комитета Российской Федерации / О.С. Бутенко, З.И. Брижак, И.Г. Березин // Юридическая психология. 2016. № 4. С. 23–28.
4. Дьяконов И.Ю., Бутовская М.Л. Психологические особенности и эмоционально-ценностная сфера у нищих / И.Ю. Дьяконов, М.Л. Бутовская // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 83–91.
5. Ключева Н.Ю. Психология бездомного и бездомности / Н.Ю. Ключева // Сибирский психологический журнал. 2011. № 42. С. 15–19.
6. Котова М.В. Стратегии поддержания социальной идентичности: Значение для теории социальной идентичности и понимания межгрупповых отношений / М.В. Котова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 691–711.
7. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России. Криминологический анализ / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. М.: НОРМА, 2005. 112 с.
8. Лапшина Т.Н., Кочеткова А.С. Психическое здоровье ЛГБ подросткового и юношеского возраста как вызов российским психологам / Т.Н. Лапшина, А.С. Кочеткова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 40–59.
9. Марьясис И.Б., Простяков В.В. Конфликты в деятельности сотрудников органов внутренних дел / И.Б. Марьясис, В.В. Простяков // Юридическая психология. 2016. № 4. С. 19–22.
10. Прыжов И.Г. Нищие на святой Руси / И.Г. Прыжов. М., 1852. 139 с.
11. Розин В.М. Размышления автора на склоне лет о смерти и жизни / В.М. Розин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 3. С. 3–16.
12. Руководство ООН по проведению программ обучения навыкам жизни в семье в целях предотвращения злоупотребления психотропными веществами. Нью-Йорк: ООН, 2009. С. 3–45.
13. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. М. : Прогресс, 1969. 536 с.
14. Batson, C.D. Empathy and attitudes: Can feeling for a member of a stigmatized group improve feelings toward the group / C.D. Batson, M.P. Polycarpou, E. Harmon-Jones, H.J. Imhoff, E.C. Mitchener, L.L. Bednar, T.R. Klein, L. Highberger // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. No. 1, pp. 105–118. DOI: org/10.1037/0022-3514.72.1.105.
15. DeRiviere, L. The Healing Journey: Intimate Partner Abuse and its Implications in the Labour Market / L. DeRiviere // Journal of Law and Social Policy. 2016. No. 6, pp. 150–155.
16. Holgersson, A. Review of On-Scene Management of Mass-Casualty Attacks / A. Holgersson // Journal of Human Security. 2016. Vol. 12. No. 1, pp. 91–111.
17. Luckenbill, D.F. Criminal homicide as a situated transaction / D.F. Luckenbill // Social Problems. 1977. No. 25, pp. 176–186.
18. Polk, K. Masculinity, honour and confrontational homicide: Men, masculinities and crime / K. Polk; ed. by T. Newburn, E.A. Stanko. London, New York: Routledge, 1974.
19. Schaffhuser, K. Discrepancy in Personality Perceptions Is Related to Relationship Satisfaction: Findings from Dyadic Latent Discrepancy Analyses / K. Schaffhuser, M. Allemand, C.S. Werner, M. Martin // Journal of Personality. 2016. Vol. 84. No. 5, pp. 658–70.
20. Wurmser, L. Many faces of shame / L. Wurmser. N.Y. : Pergamon Press, 1987.

ОЦЕНКА И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИМИДЖА СОТРУДНИКОВ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Петров Владислав Евгеньевич,

*ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра проблем безопасности дорожного движения МВД России, кандидат психологических наук, доцент
v.e.petrov@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию имиджа сотрудников дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции. Методом анкетирования определены текущий имидж сотрудников дорожно-патрульной службы и разноплановые факторы, оказывающие на него значимое влияние. При обработке экспериментальных данных применялись частотный, корреляционный, регрессионный и факторный анализы, метод математического моделирования. Для оценки статической характеристики имиджа сотрудника предложена восьмифакторная регрессионная модель. В основу ее положены такие показатели, как: уровень организации работы по пропаганде деятельности Госавтоинспекции; уровень профессиональной компетентности, общей и психологической культуры сотрудников дорожно-патрульной службы; характеристика внешнего облика сотрудников; оценка системы мотивирования сотрудников к поддержанию позитивного имиджа; качество исполнения сотрудниками служебных обязанностей; уровень (распространенность) коррупции среди сотрудников Госавтоинспекции. Обоснована динамическая многомерная модель оценки имиджа сотрудников дорожно-патрульной службы. Результаты исследования могут быть использованы при разработке экспертных систем, направленных на поддержку управленческой деятельности в подразделениях Госавтоинспекции.

Ключевые слова: имидж, оценка, прогнозирование, математическая модель, динамическая многомерная модель оценки имиджа, Госавтоинспекция, сотрудник дорожно-патрульной службы.

ASSESSMENT AND FORECAST OF IMAGE OF ROAD PATROL SERVICE OFFICERS

Petrov Vladislav E.,

Leading Research Scientist of the Research Centre for Road Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor

The article is devoted to the study of the image of Road Patrol Service Officers of the State Traffic Inspectorate. Using questionnaires determined the current image of Road Patrol Service Officers and diverse factors, rendering it a significant impact. When processing the experimental data were applied frequency, correlation, regression and factor analyses, the method of mathematical modeling. To evaluate the static characteristics of the image of the employee of the proposed eight-factor regression model. At its foundation is based on indicators such as the level of organization of work in promoting the activities of the state traffic Inspectorate; the level of professional competence, general and psychological culture of Road Patrol Service Officers; the characteristic external appearance of employees; evaluation of the system of motivation of employees to maintain a positive image; the quality of performance of the employees official duties; level (prevalence) of corruption among traffic police officers. Grounded dynamic multivariate model for image evaluation of employees dorozhno-patrol service. The results of the study can be used in the development of expert systems designed to support managerial activities in the departments of the state.

Key words: image, evaluation, prediction, mathematical model, dynamic multidimensional assessment model image, traffic police, Road Patrol Service Officers.

Создание привлекательного образа — это неотъемлемый элемент совершенствования деятельности Госавтоинспекции, культуры делового взаимодействия, индикатор отношений к правоохранительной системе в целом, к конкретному территориальному органу внутренних дел в частности. Однако обретение профессионального имиджа — это не самоцель, а средство достижения успеха в деятельности, отражение фактического социального статуса человека. Подобный акцент позволяет уйти от подмены деятельности, в результате которой реально формируется позитивный имидж, «псевдодеятельностью», направленной лишь на имитацию профессионализма, успешности, порядочности, самодостаточности и т.п. [2].

В прикладной имиджологии центральными являются вопросы о детерминации имиджа и факторах, реализация которых позволит его повысить, о возможностях адекватной оценки и динамического прогнозирования совершенствования имиджа. При всей актуальности и значимости данной проблематики практического приложения (например, в виде систем оценки и прогнозирования, экспертных систем, консультационно-справочных систем и т.п.) в настоящее время она не находит. Именно на разработку прикладной технологии в работе с имиджем сотрудника полиции (дорожно-патрульной службы) было направлено соответствующее научное исследование.

Организация и методика научного исследования. В исследовании, проведенном ФКУ НИЦ БДД МВД России в марте — июле 2015 года, приняло участие 1030 человек (1,02% фактической численности личного состава Госавтоинспекции по состоянию на 01.07.2015 г.). Достоверных анкет было 983 шт., невалидных анкет — 47 шт. Столь масштабный опрос предполагал репрезентативность выборки по территориальному признаку (табл. 1), статусным и возрастным характеристикам (табл. 2). Средний возраст респондентов (X_{cp}) — 35,05 года (стандартное

отклонение $\sigma_x = 6,23$), стаж службы (водительский стаж) — 11,52 года ($\sigma_x = 6,17$).

Методический инструментарий исследования предусматривал проведение с респондентами экспресс-лекции и беседы-дискуссии, изучение мнений с помощью авторской анкеты экспертной оценки.

Обработка эмпирических данных осуществлялась в программном комплексе Statistica for Windows 13.0 с применением частотного, корреляционного, регрессионного и факторного анализов, а также метода математического моделирования.

Таблица 1. Характеристика выборки исследования по территориальному признаку

№	Субъект Российской Федерации	Кол-во, чел.	%
1	Воронежская область	32	3,3
2	Кемеровская область	711	72,3
3	Орловская область	22	2,2
4	Свердловская область	16	1,6
5	Москва и Московская область	156	15,9
6	Ямало-Ненецкий автономный округ	46	4,7
Итого		983	100

Таблица 2. Характеристика выборки исследования по признаку статуса

№	Статус респондента	Кол-во, чел.	%
1	Руководитель строевого подразделения ГИБДД	106	10,8
2	Сотрудник Госавтоинспекции	813	82,7
3	Преподаватель образовательной организации МВД России	6	0,6
4	Научный сотрудник НИЦ БДД МВД России	6	0,6
5	Психолог ОВД	39	4,0
6	Участник дорожного движения (гражданин)	13	1,3
Итого		983	100

Основные результаты научного исследования.

Общая оценка имиджа сотрудника ДПС. Оценивание имиджа осуществлялось по полярной 11-пунктной шкале (от «-5» (выраженно негативный имидж) до «+5» (выраженно позитивный имидж); «0» — нейтральное мнение). В результате исследования было установлено, что в целом имидж как интегральный образ сотрудника ДПС в представлении окружающих положителен ($X_{cp} = 1,47$; $\sigma_x = 2,46$), что позволяет ему успешно решать профессиональные задачи (в т.ч. основанные на ролевом взаимодействии с участниками дорожного движения, профилактике межличностных конфликтов и психологическом воздействии на граждан).

Распределение оценок имиджа ассиметричное двухвершинное (рис. 1). В нем выделяются две относительно независимые выборки: 1) группа респондентов, позитивно оценивающих имидж сотрудника ДПС ($X_{cp} = 2,76$; $\sigma_x = 0,99$), 2) группа респондентов, негативно (критически) оценивающих имидж ($X_{cp} = -1,35$; $\sigma_x = 1,18$).

Несмотря на то что доминирующим является позитивное оценивание (кумулятивный вес оценок — 69,5%), достаточно

высок процент респондентов, указавших на негативный имидж современного сотрудника ДПС (22,6%). Как тенденцию (поскольку статистически достоверных различий не установлено) следует отметить критичность взглядов на имидж со стороны более молодых респондентов (возраст — $X_{cp} = 34,42$; $\sigma_x = 6,75$; стаж службы — $X_{cp} = 10,93$; $\sigma_x = 6,83$; для лиц, отметивших имидж сотрудника как позитивный, возраст — $X_{cp} = 35,27$; $\sigma_x = 6,07$; стаж службы — $X_{cp} = 11,73$; $\sigma_x = 5,94$).

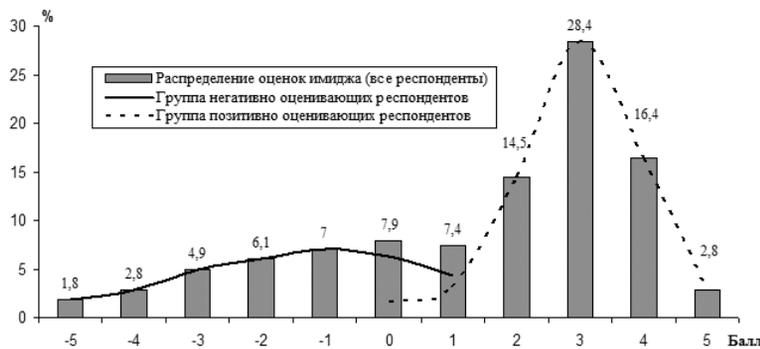

Рис. 1. Распределение оценок имиджа сотрудника ДПС

Оценка степени влияния различных факторов на имидж сотрудника ДПС. Учитывая вариативность подходов к оценке значимых факторов, в целях повышения достоверности исследования была применена трехэтапная система методов математической статистики.

На первом этапе изучение степени влияния на имидж осуществлялось в ходе экспертного опроса по

пятибалльной шкале. Оцениваемые направления воздействия на имидж были отобраны в результате проведения научного исследования теоретического плана (контент-анализа литературы и материалов средств массовой информации, фокусированных интервью). Каждое направление детализировано в конкретных мероприятиях, предлагаемых к реализации как руководителями, так и сотрудниками и психологами (табл. 3).

Таблица 3. Описательная статистика по оценке направлений воздействия на имидж

Направление воздействия на имидж	X_{cp}	σ
Меры общественно-политического характера (реализуются органами государственной власти и управления на федеральном и региональном уровнях)		
Повышение общей культуры населения в стране	3,32	0,97
Повышение уровня правовой культуры населения	3,36	0,99
Улучшение отношения граждан к правоохранительным органам	3,35	1,19
Улучшение отношения участников дорожного движения к сотрудникам ДПС	3,33	1,19
Повышение престижа дорожно-патрульной службы в системе МВД России	3,54	1,06
Снижение уровня алкогольной, наркотической и иной зависимости	3,10	1,05
Совершенствование организации дорожного движения в населенном пункте	3,43	0,97
Обеспечение подлинного равноправия участников дорожного движения на дороге	3,31	1,04
Повышение уровня социальной защищенности сотрудников полиции	3,20	1,35
Повышение уровня правовой защищенности сотрудников ДПС	3,22	1,39
Повышение уровня материального обеспечения сотрудников полиции	3,29	1,37
Меры организационно-управленческого характера (реализуются на уровне руководителей подразделений Госавтоинспекции)		
Повышение уровня просвещенности (информированности) участников дорожного движения относительно функций и задач, стоящих перед сотрудниками ДПС	3,36	0,99
Вовлечение общественных формирований, организаций, союзов и объединений в деятельность ДПС	3,06	1,01
Развитие сотрудничества Госавтоинспекции с организациями, деятельность которых связана с безопасностью дорожного движения	3,41	0,95
Активизация работы по пропаганде деятельности Госавтоинспекции	3,57	0,96
Улучшение отношений СМИ к деятельности Госавтоинспекции	3,54	0,99
Противодействие намеренному искажению информации о деятельности полиции в целом, Госавтоинспекции в частности	3,48	1,10
Ведение контрпропагандистской и исковой работы с лицами, умышленно формирующими негативный имидж сотрудников полиции	3,33	1,18
Изменение системы оценочных показателей (отчетности) деятельности ДПС	3,34	1,18
Повышение уровня методического обеспечения деятельности ДПС	3,26	1,09
Мотивирование руководителей к необходимости поддержания позитивного имиджа сотрудника ДПС	3,43	1,05
Профилактика коррупционно опасного поведения сотрудников ДПС	3,69	1,01
Повышение уровня технической оснащенности сотрудников ДПС	3,34	1,42
Меры индивидуального (профессионального) характера (реализуются на уровне отдельного сотрудника ДПС)		
Обеспечение позитивного внешнего облика сотрудника ДПС	3,67	1,01
Повышение общей культуры сотрудников ДПС	3,78	0,90
Повышение уровня профессиональной компетентности сотрудников ДПС	3,86	0,90
Повышение качества исполнения служебных обязанностей сотрудниками ДПС	3,82	0,88
Меры психологического характера (реализуются на уровне психологов)		
Повышение психолого-управленческой культуры руководителей подразделений Госавтоинспекции	3,54	0,99
Повышение психологической культуры сотрудников ДПС	3,55	0,90
Мотивирование сотрудников ДПС к поддержанию позитивного имиджа службы	3,58	0,99
Оптимизация социально-психологического климата в служебных коллективах сотрудников ДПС	3,48	1,01
Гармонизация отношения личного состава иных подразделений к деятельности сотрудников ДПС	3,36	0,99

Показательным в проведенном исследовании выступило то обстоятельство, что лидирующими в части повышения имиджа выступили мероприятия не глобального (государственного, общенародного или ведомственного) масштаба, а конкретного плана. Их реализация с большей степенью вероятности возможна на уровне отдельного сотрудника, причем: 1) в краткосрочной перспективе; 2) не требуя существенных финансово-экономических затрат или кардинальных изменений в системе МВД России.

Согласно результатам проведенного *частотного анализа* эмпирических данных, наиболее значимое влияние на имидж сотрудников ДПС может быть достигнуто за счет повышения:

- уровня их профессиональной компетентности;
- качества исполнения ими служебных обязанностей;
- общей культуры сотрудников.

Несколько более сложными в реализации, но эффективными являются такие мероприятия, как:

- профилактика коррупционно опасного поведения сотрудников;
- обеспечение позитивного внешнего облика сотрудника;
- мотивирование сотрудников к поддержанию позитивного имиджа.

Особая роль в повышении имиджа сотрудника отводится активизации работы по пропаганде деятельности ГИБДД, а также совершенствованию психологической культуры личного состава.

На втором этапе в результате применения *корреляционного анализа* данных были установлены статистически значимые взаимосвязи оценки имиджа и некоторых показателей (табл. 4). Спектр детерминирующих факторов оказался несколько более объемным (в т.ч. в его состав вошло семь из восьми показателей, установленных в результате частотного анализа).

Таблица 4. Корреляция оценки имиджа с некоторыми показателями

Оцениваемые показатели	r
Повышение психолого-управленческой культуры руководителей подразделений Госавтоинспекции	0,220
Повышение престижа дорожно-патрульной службы в системе МВД России	0,193
Вовлечение общественных формирований, организаций, союзов и объединений в деятельность ДПС	0,191
Оптимизация социально-психологического климата в служебных коллективах	0,173
Развитие сотрудничества Госавтоинспекции с организациями, деятельность которых связана с безопасностью дорожного движения	0,168
Улучшение отношения участников дорожного движения к сотрудникам ДПС	0,166
Повышение психологической культуры сотрудников ДПС	0,163
Мотивирование сотрудников ДПС к поддержанию позитивного имиджа службы	0,162
Обеспечение позитивного внешнего облика сотрудника ДПС	0,159
Повышение общей культуры сотрудников ДПС	0,158
Гармонизация отношения личного состава иных подразделений к деятельности сотрудников ДПС	0,152
Повышение уровня профессиональной компетентности сотрудников ДПС	0,148
Мотивирование руководителей к необходимости поддержания позитивного имиджа сотрудника ДПС	0,146
Активизация работы по пропаганде деятельности Госавтоинспекции	0,141
Повышение уровня методического обеспечения деятельности ДПС	0,141
Повышение уровня правовой защищенности сотрудников ДПС	0,134
Повышение уровня просвещенности участников дорожного движения относительно функций и задач, стоящих перед сотрудниками ДПС	0,134
Улучшение отношений СМИ к деятельности Госавтоинспекции	0,132
Повышение качества исполнения служебных обязанностей сотрудниками ДПС	0,130

Примечание: корреляция двухсторонняя, уровень значимости $p=0,01$.

Все значимые показатели были выделены как базовые для проведения *факторного анализа методом главных компонент*, который осуществлялся на третьем этапе и позволил уточнить весомость факторов. Факторы, выявленные по результатам частотного анализа, оказались наиболее детерминирующими и описывали около 57% дисперсии оценки имиджа. Именно поэтому они были выбраны в качестве ос-

новных параметров для проведения последующего математического моделирования.

Оценка и прогнозирование имиджа сотрудника ДПС. Разработка моделей осуществлялась в двух направлениях:

1) для оценки текущего имиджа сотрудника ДПС (*static model*). Математический аппарат основывался на применении регрессионного анализа с интерак-

ционной верификацией по методу наименьших квадратов;

2) для прогнозирования изменений оценки имиджа во времени под воздействием совокупности факторов (*dynamical model*). Методическую основу анализа составили частотный и регрессионный анализы, положения теории автоматического управления.

Оценка статической характеристики имиджа сотрудника ДПС рассчитывается по следующей регрессионной модели:

$$Image (static model) = -16,4481 + 0,9054a + 0,7847b + 0,7243c + 0,7092d + 0,5432e + 0,5282f + 0,2867g + 0,0151h,$$

где: (0,9054; 0,7847 ... 0,0151) — вектор весовых коэффициентов модели (x_i);

(a, b, c ... h) — вектор частных показателей модели, а именно:

a — уровень организации работы по пропаганде деятельности ГИБДД;

b — уровень психологической культуры (компетентности) сотрудников ДПС;

c — характеристика внешнего облика сотрудника ДПС;

d — оценка системы мотивирования сотрудников к поддержанию позитивного имиджа;

e — уровень общей культуры сотрудников ДПС;

f — уровень профессиональной компетентности сотрудников ДПС;

g — качество исполнения сотрудниками ДПС служебных обязанностей;

h — уровень коррупции среди сотрудников ДПС.

Для всех частных показателей (a, b, c ... h) применяется пятибалльная система оценки (1, 2 ... 5).

Оценка многомерной динамической модели имиджа сотрудника ДПС. Экспериментально определенные временные характеристики использованы для идентификации динамической математической модели имиджа сотрудника [1]. Путем линеаризации уравнений и упрощения математического описания, по виду переходной функции определен унифицированный тип звеньев — инерционно дифференцирующие первого порядка. Их передаточная функция W(s) имеет следующий вид:

$$W(s) = k \times (s+1) / (Ts+1),$$

где: k — весовой коэффициент;

s — переменная времени передаточного звена;

T — постоянная времени передаточного звена.

Весовой коэффициент частного показателя i (a, b, c ... h) k_i рассчитывался исходя из соответствующего коэффициента регрессионной модели по формуле: $k_i = x_i \times T_i$. Подобный подход позволяет обеспечить «преемственность» статической и динамической моделей (т.е. при $t \rightarrow \infty$ значения оценки имиджа совпадают).

Принимая во внимание, что переходная и импульсная характеристики модели выходят на установившееся значение (с ошибкой не более 5%) примерно за время $3t$ [3], в первом приближении можно оценить соответствующие временные (динамические) характеристики (табл. 5).

Таблица 5. Временные характеристики параметров динамической модели (мес.)

Параметр	Наименование параметра модели	T_{cp}	O
a	уровень организации работы по пропаганде деятельности ГИБДД	22,92	33,46
b	уровень психологической культуры (компетентности) сотрудников	21,55	28,91
c	характеристика внешнего облика сотрудника ДПС	22,78	45,87
d	оценка системы мотивирования сотрудников к поддержанию позитивного имиджа	22,45	37,69
e	уровень общей культуры сотрудников ДПС	21,95	29,66
f	уровень профессиональной компетентности сотрудников ДПС	21,83	29,21
g	качество исполнения сотрудниками ДПС служебных обязанностей	20,74	29,87
h	уровень коррупции среди сотрудников ДПС	25,37	46,88

На основании предложенного подхода динамическая многомерная модель оценки имиджа сотрудника ДПС может быть представлена в следующем виде:

$$Image (dynamical model) = -16,4481 + (a - a_0) \times 0,1185 \times (s+1) / (0,1309s+1) + (b - b_0) \times 0,1092 \times (s+1) / (0,1392s+1) + (c - c_0) \times 0,0954 \times (s+1) / (0,1317s+1) + (d - d_0) \times 0,0947 \times (s+1) / (0,1336s+1) + (e - e_0) \times 0,0743 \times (s+1) / (0,1367s+1) + (f - f_0) \times 0,0726 \times (s+1) / (0,1374s+1) + (g - g_0) \times 0,0415 \times (s+1) / (0,1446s+1) + (h - h_0) \times 0,0018 \times (s+1) / (0,1182s+1),$$

где: (a₀, b₀, c₀ ... h₀) — вектор частных исходных (начальных) показателей модели;

(a, b, c ... h) — вектор частных перспективных (конечных) показателей модели.

Переменная времени s представляется в месяцах (например, 1, 2... 12... 100 и т.п.), выступает в качестве варьируемого параметра. Показатель Image меняет значение в диапазоне от «-5» (очень низкий негативный уровень) до «+5» (очень высокий позитивный уровень); «0» — нейтральный уровень.

Модель позволяет учитывать динамические изменения в статусе (повышение и понижение оценки имиджа сотрудника ДПС).

Пример. Руководитель строевого подразделения ГИБДД, принимая во внимание, что по состоянию на 01.01.XX г. отмечен очень низкий позитивный уровень имиджа его сотрудников (Image (static model) = 0,8), намерен изменить сложившееся положение дел путем существенной активизации работы

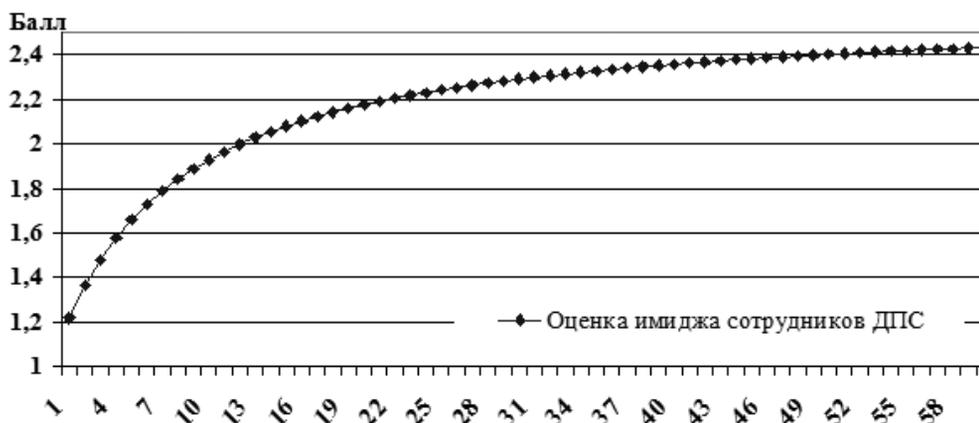

Рис. 2. Динамика оценки имиджа сотрудников ДПС в однофакторной модели

по пропаганде профессиональной деятельности (с 3 баллов (работа организована посредственно) до 5 баллов (работа организована отлично — деятельность ГИБДД систематически освещается в СМИ, проводятся публичные агитационные мероприятия, используются медиаресурсы и т.п.).

Если интенсивность работы по пропаганде деятельности ГИБДД будет постоянной (на высоком уровне), то низкий позитивный уровень имиджа (2 балла) будет достигнут через 12 месяцев (рис. 2). Через 5 лет (60 мес.) оценка будет близка к максимально возможному стабильному значению (2,43 балла). Можно утверждать, что при описанных выше условиях только лишь прилагаемые усилия по активизации работы по пропаганде деятельности ГИБДД никогда не повысят уровень имиджа более 3 баллов (т.е. невозможно обеспечить даже средний позитивный уровень имиджа сотрудников ДПС).

Результаты научного исследования могут быть использованы при разработке экспертных систем, направленных на поддержку управленческой деятельности. При этом в зависимости от пользователя подобного продукта их разновидностями будут выступать: 1) экспертная система для руководителя;

2) экспертная система для психолога (в этом случае помимо оценочно-прогностических возможностей система может формировать психологически значимые методические материалы по оказанию воздействия на имидж).

Применение научно обоснованных средств управления имиджем сотрудников ДПС в конечном счете позволит улучшить качество профилактической работы, повысить безопасность дорожного движения, гармонизировать отношения, взаимодействие личного состава Госавтоинспекции и участников дорожного движения.

Литература

1. Дядик В.Ф. Теория автоматического управления: учебное пособие / В.Ф. Дядик, С.А. Байдали, Н.С. Криницын; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. С. 57–58.
2. Петров В.Е., Петроченко В.В. Имидж руководителя подразделения Госавтоинспекции / В.Е. Петров, В.В. Петроченко // Вестник ВИПК МВД России. Домодедово, 2015. № 2 (34). С. 77–80.
3. Поляков К.Ю. Теория автоматического управления для «чайников» / К.Ю. Поляков. СПб., 2008. С. 34–35.

ПСИХОЛОГИЯ ДОПРОСА

Марьясис Ирина Борисовна,
кандидат психологических наук, доцент
talismmm@mail.ru

Простяков Владимир Вениаминович,
кандидат психологических наук
prostv2012@yandex.ru

В статье рассматриваются психологические особенности допроса как наиболее распространенного вида и динамичной разновидности процессуального общения, протекающего в особом режиме. Показано, что допрос можно отнести к наиболее психологизированным процессуальным действиям, затрагивающим личные особенности допрашиваемого и допрашивающих лиц, психологическое взаимодействие между ними.

Ключевые слова: допрос, предварительное следствие, судебное заседание, процессуальные действия, преступное деяние, допрашиваемый, следователь, доказательство, конфликт, психологические особенности, психологический контакт.

PSYCHOLOGY OF INTERROGATION

Maryasis Irina B.,
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor

Prostyakov Vladimir V.,
Candidate of Psychological Sciences

The article deals with the psychological characteristics of the interrogation, the most kind of grafting and dynamic variety of procedural communication protikayuschego special rehearse. It is shown that the questioning can be attributed to the most psihologizirovannym legal proceedings affecting the personal characteristics doproshaemogo and interrogate persons psychological interaction between them.

Key words: questioning, preliminary investigation, trial, proceedings, criminal offense, person questioned, investigator, the proof, conflict, psychological characteristics, psychological contact.

Психологическое содержание, сущность предварительного следствия, во многом зависит от правильной реконструкции прошлого события преступного деяния по следам, сохранившимся и обнаруженным следователем в настоящем. Большое значение для получения информации по совершенному преступлению имеют факты, установленные на основе личных доказательств в результате такого следственного действия, как допрос.

Допрос можно отнести к наиболее психологизированным следственным действиям, так как связан с личностными особенностями допрашиваемого и следователя, с психическим взаимодействием между ними.

Одной из основных психологических составляющих допроса является такой процесс памяти, как воспроизведение запомненного, что, как правило, связано с определенными переживаниями тех или иных событий, что приводит к субъективным искажениям.

Некоторые стороны произошедшего события могут утрироваться, в зависимости от устойчивых и ситуативных интересов допрашиваемого. Учет данных обстоятельств — первоочередная задача следователя.

Допрос, как и любое следственное действие, проходит ряд этапов, на которых решается главная задача — выявление обстоятельств, имеющих значение в качестве доказательств. Каждый этап имеет свои психологические особенности.

Одной из основных целей подготовительного этапа является получение максимальной информации о допрашиваемом, где, кроме сведений биографического характера, большое значение имеет изучение личностных качеств (социальный статус, социальные роли, другие социально-положительные и социально-отрицательные качества). В зависимости от этого, имеющих доказательств по делу, оценки своего психического состояния, профессиональной подготовки, места проведения следователем определяется стратегия и тактика допроса.

При непосредственной встрече с допрашиваемым лицом, на стадии установления психологического контакта, прежде всего следует оценить его психическое состояние, эмоционально-волевые установки.

Психологическое содержание контакта — это процесс адаптации субъекта к субъекту, адаптация к новой роли, «приняемость» в данном общении, адаптация к новой системе взаимоотношений

и стилю поведения партнера, взаимная адаптация ценностно-ориентировочных наборов.

Для успешного установления контакта целесообразно выполнение следующих условий: наличие информации о целях, потребностях, интересах партнера, умение ее правильно интерпретировать; высокая интеллектуальная и волевая активность у лица, выступающего инициатором контакта; умение регулировать свое эмоциональное состояние в соответствии с целями контакта; знание стереотипов поведения, речевых и мимических стереотипов, присущих различным социальным группам, умение их реализовать в процессе общения; соблюдение целостности собственного образа, создаваемого перед партнером по общению (соответствие внешнего образа, одежды, мимики и тому подобного образу); важнейшим правилом (условием) психологического контакта, как, впрочем, и всего общения в целом, является умение слушать.

Установление психологического контакта можно назвать исходным условием проведения допроса. Во многом эффективность установления контакта зависит от способа, которым это достигается: обращение к логическому мышлению допрашиваемого; возбуждение положительного эмоционального состояния и интереса к общению и его результатам; личные положительные качества допрашиваемого и т.д.

Важной задачей следователя является распознавание и преодоление психологических барьеров общения, таких как: избегание, авторитет, непонимание (фонетический, логический и т.д.), психологический характер (темперамент, характер, отрицательные эмоции и т.д.), а также барьеров поведения (наглость допрашиваемого, бравада, стремление запутать дело, уйти от ответственности и т.д.), препятствующих оптимизации допроса.

На следующей стадии допроса условно можно выделить следующие фазы: фаза свободного рассказа допрашиваемого; фаза детализации; фаза систематизации полученной информации.

Предоставление допрашиваемому возможности в свободной форме изложить все известное ему о случившемся исключает воздействие со стороны следователя, а также негативные влияния на функционирование памяти, тем самым облегчая течение свободных ассоциаций. При этом основными задачами следователя являются: восполнение пробелов свободного рассказа; уточнение неопределенных высказываний; выяснение противоречий; оказание мнемической помощи допрашиваемому лицу с целью более полного воспроизведения им отдельных эпизодов события; устранение противоречий; диагностика и изобличение ложных показаний; оказание правомерного психического воздействия на допрашиваемого с целью получения правдивых показаний.

В процессе допроса возникают ситуации, связанные с проявлением речевой пассивности, в этом случае с целью детализации и систематизации полученной информации приобретает значение умение следователя задавать вопросы.

Система вопросов — тактическое средство правомерного психического воздействия на допрашиваемого. Важное значение имеет не только содержание, но и последовательность задаваемых вопросов, при этом необходимо соблюдение следующих требований: смысловая однозначность; простота конструкции, лаконичность; отношение к предмету допроса; отсутствие наводящего воздействия и т.д.

Большое значение имеет метод косвенных вопросов, состоящий в том, что важные для расследования вопросы маскируются под общие.

С целью пресечения дезинформации со стороны противодействующих следствию лиц и получения правдивых показаний следователь использует систему приемов. Все тактические приемы условно можно разделить на три группы: приемы эмоционального воздействия; приемы логического воздействия; тактические комбинации. Выделим некоторые из них: использование состояния эмоциональной напряженности; сопоставление; уточнение; детализация (конкретизация); напоминание; наглядность, контроль; сочетание форсированного и замедленного темпов ведения допроса и т.д.

Допрос нередко носит конфликтный характер общения. Причины конфликта возникают из принудительного характера общения, а также если цели участников либо не совпадают (следователь — допрашиваемое лицо), либо не понимаются в полной мере друг другом, вследствие этого следователь должен знать и уметь применять тактические и стратегические варианты выхода из конфликтных ситуаций.

В каждой ситуации допроса следователь, кроме получения информации о конкретном преступном деянии, должен реализовывать задачи воспитания человека (допрашиваемого) на преодоление социально-негативных свойств и качеств личности, предупреждение преступлений и правонарушений со стороны данного лица.

Для тактики допроса, оценки его результатов существенное значение имеет возможность звукозаписи.

В случае необходимости могут быть проведены дополнительный и повторный допросы, что также оказывает большое психическое воздействие.

На заключительном этапе допрашиваемый знакомится с текстом протокола допроса и ему предлагают в случае необходимости сделать поправки и дополнения к тексту. В случае возникновения противоречий можно вернуться к детализации показаний.

По завершении допроса следователь должен оценить его эффективность в процессуально-доказательственном и психологическом отношениях.

Каждая категория допрашиваемых (подозреваемые и обвиняемые, свидетели и потерпевшие, а также несовершеннолетние и другие) имеет свои психологические особенности, выделим некоторые из них.

Так, сильным психологическим воздействием, формирующим мотивы поведения подозреваемого и

обвиняемого, является страх лишения свободы, привычного образа жизни, особенно для тех, кто в таком качестве выступает в первый раз. Особое место занимают психологические состояния, переживаемые невиновным человеком, оказавшимся в силу определенных обстоятельств в положении подозреваемого или обвиняемого.

Показание потерпевших, в особенности в случаях посягательств на их жизнь, здоровье и достоинство, отличаются, как правило, большой эмоциональной насыщенностью.

При допросе свидетеля наиболее сложной психологической задачей является установление достоверности его показаний.

Наибольшую сложность представляет допрос несовершеннолетнего вследствие особенности его психики: ограниченность жизненного опыта, знаний и представлений; недостаточная сформированность адаптивных поведенческих актов; особенности эмоционально-волевой регуляции и т.п. Необходимо учитывать, что подростки легко поддаются внушению, особенно со стороны взрослых лиц, могут неправильно воспринимать и истолковывать отдельные факты и т.д.

Отдельно следует выделить особенности допроса в судебном заседании. Искусство судопроизводства — прежде всего искусство допроса, который в состязательном уголовном процессе является основным способом представления и исследования сторонами доказательств. Главное отличие судебного допроса от допроса предварительного следствия прежде всего в том, что он более отдален по времени

от события преступления, меняется и характер допроса, который становится не столько поисковым, сколько проверочным, подтверждающим.

Литература

1. Аминов И.И. Психология делового общения: учебник для студентов вузов / И.И. Аминов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 288 с.
2. Бороздина Г.В. Психология делового общения: учебник / Г.В. Бороздина. 2-е изд. М. : Инфра-М, 2011. 295 с.
3. Васильев В.Л. Юридическая психология / В.Л. Васильев. СПб. : Питер, 2012. 115 с.
4. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов / В.Л. Васильев. СПб. : Питер, 2010. 608 с.
5. Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник / М.И. Еникеев. М. : НОРМА: Инфра-М, 2014. 512 с.
6. Караяни А.Г. Психология общения и переговоров в экстремальных условиях: учеб. пособие для студентов высш. учебных заведений / А.Г. Караяни, В.Л. Цветков. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 248 с.
7. Лебедев И.Б. Юридическая психология: учебник. 2-е изд., доп. / И.Б. Лебедев, В.Ф. Родин, В.Л. Цветков; под ред. В.Я. Кикотя. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 205 с.
8. Романов В.В. Юридическая психология / В.В. Романов. М. : Юрайт, 2012. 165 с.
9. Столяренко А.М. Юридическая психология: учебник / А.М. Столяренко. М. : Проспект, 2010.
10. Цветков В.Л. Психология конфликта: от теории к практике: учебное пособие / В.Л. Цветков. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 183 с.
11. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология в вопросах и ответах: учебное пособие / Ю.В. Чуфаровский. М. : Проспект, 2011. 470 с.

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННО ПРОПАГАНДИСТСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКИ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» НА ИНТЕРНЕТ-АУДИТОРИЮ

Цыганков Сергей Викторович,
*преподаватель Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
tsygankov160692@rambler.ru*

Караяни Юлия Михайловна,
*старший преподаватель Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
доктор психологических наук, доцент
yulya.karayani@mail.ru*

Караяни Александр Григорьевич,
*заведующий кафедрой психологии Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
доктор психологических наук, профессор
karayani@mail.ru*

В статье освещаются актуальные вопросы информационно-пропагандистской деятельности террористической группировки «Исламское государство» в сети Интернет. На основе классической модели убеждающей коммуникации выделяются и описываются особенности воздействия боевиков «ИГ» на интернет-аудиторию. Сформулированы выводы об основных направлениях учета данных особенностей при планировании и проведении специалистами информационных служб ВС РФ превентивных мероприятий в интернет-пространстве.

Ключевые слова: информационно-пропагандистское воздействие, убеждающая коммуникация, террористическая группировка, интернет-аудитория.

PECULIARITIES OF INFORMATIONAL AND PROPAGANDIST INFLUENCE OF THE ISLAMIC STATE TERRORIST GROUP ON INTERNET AUDIENCE

Tsygankov Sergey V.,
*Lecturer of the Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation*

Karayani Yulia M.,
*Senior Lecturer of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Doctor of Psychology, Assistant Professor*

Karayani Aleksandr G.,
*Head of the Department of Psychology
of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Doctor of Psychology, Professor*

The article is devoted to the current issues of the “Islamic State” terrorist group’s informational propaganda activity in the Internet. During the study, based on the classical Persuasive communication model, the author analyses and describes specific features of the “IS’s” influence the Internet audience. According to the theoretical analysis the author makes a conclusion about main ways of accounting the features in planning and executing preventive measures by specialists of the informational services of the Russian Military Forces.

Key words: informational propaganda influence, persuasive communication, terrorist group, Internet audience.

Вопросы информационно-пропагандистского воздействия и защиты от него достаточно хорошо проработаны в отечественной и зарубежной воен-

ной психологии [2, 4, 5, 6]. Однако в последние годы Россия столкнулась с противником неординарным, в совершенстве владеющим новыми технологиями

ведения информационной войны и активно применяющим их для вербовки в свои ряды новых сторонников, в том числе на территории нашей страны. Речь идет о террористической группировке, называющей себя «Исламское государство» (далее — «ИГ») и объявившей своей целью построение «мирового халифата».

По мнению ведущих российских и зарубежных исследователей, в том числе доктора политических наук, политолога У.Т. Ботобекова, занимающегося изучением пропагандистской машины группировки, в апреле 2016 года наметилась тенденция к наращиванию объемов информационных материалов для российской аудитории, а русский язык стал третьим наиболее часто используемым языком в пропаганде «ИГ» после арабского и английского [13]. Таким образом, лидеры террористов определили российское направление информационно-пропагандистской работы в качестве приоритетного.

При этом большая часть россиян, уехавших воевать на стороне боевиков, была завербована в сети Интернет. Так, по данным информационного агентства Regnum, около 80% россиян, принявших решение о переезде на территории, подконтрольные террористам, сделали это под воздействием материалов, размещенных в интернет-ресурсах и аккаунтах «ИГ» в социальных сетях [9, 12]. Все это требует от руководства нашей страны и специалистов информационных служб Вооруженных сил РФ тщательного анализа пропагандистской деятельности «ИГ» в интернет-пространстве и принятия безотлагательных мер по организации противодействия ей.

Так как информационно-пропагандистское воздействие рассматриваемой группировки на интернет-аудиторию представляет собой частный случай убеждающей коммуникации, при анализе его особенностей, по нашему мнению, целесообразно взять за основу классическую модель убеждения.

В соответствии с этой моделью, структуру убеждения образуют пять компонентов: коммуникатор (субъект воздействия), убеждающее сообщение, канал коммуникации (средство воздействия), аудитория (объект воздействия), эффективность [1].

Для более полного понимания проблемы рассмотрим особенности информационно-пропагандистского воздействия группировки «ИГ» на интернет-аудиторию, характерные для каждого из выделенных нами компонентов.

Анализируя **субъекта воздействия**, следует отметить, что главной особенностью информационно-пропагандистской деятельности «ИГ» является децентрализация ее медиакампаний: отсутствует единый информационный центр, а все материалы готовятся относительно независимыми «ячейками». По данным экспертов «Куиллиам фаундейшн», организации, занимающейся изучением проблем международного терроризма, до 78% материалов «ИГ» готовятся местными представительствами в подконтрольных группировке провинциях Сирии и Ирака, а также на территории других государств. Структура «ячеек» позволяет сохранить функционирование пропагандистской машины даже в том случае, если будет уничтожено несколько ее отделений [7]. Согласно одному из программных документов группировки, децентрализованный принцип организации информационно-пропагандистских кампаний отвечает структуре самого «ИГ», подконтрольные территории которого расположены на значительной площади относительно независимо друг от друга [15].

По данным исследователей МГИМО, большая часть информационно-пропагандистских материалов «ИГ», публикуемых в Интернете, создается сотрудниками четырех подразделений (табл. 1), каждое из которых имеет свою специфику и ориентировано на конкретную целевую аудиторию [11].

Таблица 1. Основные направления деятельности информационно-пропагандистских подразделений «ИГ»

Название подразделения	Основные направления деятельности
The Al-Furqan Institute for Media Production (араб. «различение правды и лжи»)	Центральное пропагандистское подразделение «ИГ». Производство текстовой, аудио- и видеопродукции, распространение официальных заявлений лидеров «ИГ», в том числе самопровозглашенного «халифа» Абу Бакра аль-Багдади
The Al-I'tisam Media Foundation (араб. «просьба о защите»)	Производство пропагандистских видеоматериалов и фильмов
The Alhayat Media Center (араб. «жизнь»)	Производство материалов в интересах вербовки мусульман, проживающих в странах Запада: новостных статей, видеороликов и песен более чем на десяти языках, в том числе на английском, немецком, французском и русском. Производство субтитров к отснятым ранее видеоматериалам
The Ajnad Media Foundation (араб. «войско»)	Производство музыки, поэзии и исламских песен (нашидов) на арабском, английском, немецком, русском, китайском и других языках
Furat Media (араб. «Евфрат»)	Производство пропагандистских материалов на русском языке, а также на языках республик бывшего СССР, стран Центральной и Юго-Восточной Азии

В данном случае указанные подразделения, выступая в роли коммуникатора (субъекта воздействия), занимают открытую позицию в интернет-коммуникации, публично объявляя себя сторонниками излагаемой точки зрения и оценивая различные факты в ее подтверждение. Другие информационно-пропагандистские подразделения «ИГ», которые трудно обнаружить, используют закрытую позицию в интернет-коммуникации, т.е. умалчивают о своей точке зрения или прибегают к специальным мерам, чтобы ее скрыть (например, информация для избранных и т.д.). И открытая, и закрытая позиции являются характеристиками коммуникатора, способствующими повышению эффективности коммуникативного процесса [1], что в некоторой степени объясняет интерес интернет-аудитории к деятельности вышеуказанных «ячеек» и группировки в целом.

Таким образом, на основании проведенного анализа субъекта информационно-пропагандистского воздействия «ИГ» (коммуникатора) были выделены следующие его психологические характеристики: децентрализованность; глубокое знание интересов, ценностей, потребностей интернет-аудитории; возможность для творчества; возможность действовать открыто, без чрезмерного контроля; возможность действовать закрыто, экспериментировать; свобода от ответственности. Данные особенности субъекта информационно-пропагандистского воздействия в первую очередь необходимо учитывать при изучении интернет-пространства на предмет обнаружения источников материалов «ИГ» с целью их своевременной нейтрализации.

Согласно модели убеждающей коммуникации, в тесной связи с коммуникатором (субъектом воздействия) идет убеждающее сообщение (что передается?) и канал воздействия (как осуществляется передача?).

Специфика канала воздействия на интернет-аудиторию состоит в широком использовании группировкой социальных медиаплатформ. Под социальными медиаплатформами понимают широкий спектр интернет-ресурсов (таких как блоги,

форумы, социальные сети и др.), ориентированных на удовлетворение социальных потребностей людей. Данные ресурсы позволяют своим пользователям самостоятельно создавать контент (информационное наполнение) и свободно им обмениваться.

Следует подчеркнуть, что такой канал воздействия дает возможность объекту воздействия не только выступать в качестве пассивного потребителя информации, но и самому принимать активное участие в информационном обмене. Пользователь может работать над созданием контента, выражать свое отношение к материалу, комментировать его или распространять среди своих подписчиков. Как показали научные исследования (С. Элдерсвелд, Р. Додж, Р. Петти, Д. Вигенер и др.), интерактивное взаимодействие субъекта и объекта убеждающей коммуникации существенно повышает ее эффективность. Кроме того, социальные медиа позволяют террористам ускорить процесс доведения информации до аудитории. Пользователи в режиме реального времени могут наблюдать за ходом «войны против крестоносцев» (так террористы называют противостоящие им войска западных стран), что также повышает интерактивность информационного процесса.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что значительную часть материалов (убеждающих сообщений) на добровольной основе создают простые интернет-пользователи, симпатизирующие группировке. Сторонники «ИГ» из разных стран, вдохновленные сообщениями о победах боевиков, производят широкий спектр материалов: видеоклипы, поэмы, постеры и др. [5] Подобная практика получила название краудсорсинга. Важной особенностью краудсорсинга является трудность отслеживания источника пропагандистской информации (сторонники группировки проживают по всему миру и зачастую ничем не выдают себя в повседневной жизни).

Большая часть материалов, создаваемых вышеуказанными информационно-пропагандистскими подразделениями, публикуется в интернет-ресурсах «ИГ» и аккаунтах группировки в социальных сетях (табл. 2).

Таблица 2. Характеристика основных интернет-ресурсов «ИГ»

Название интернет-ресурса (сайта)	Основные направления деятельности
Dabiq (араб. «Дабик» — название города в Сирии, где в соответствии с исламской традицией должна произойти решающая битва между мусульманами и неверными)	Главный пропагандистский интернет-журнал «ИГ», ориентированный на мусульманское население западных стран. Публикуются цитаты духовных и военных лидеров «ИГ», новости о военных успехах и мирной жизни на подконтрольных «ИГ» территориях
Islamic State News, ISN (англ. «Новости Исламского государства»)	Интернет-журнал, освещающий точку зрения салафитов-джихадистов (сторонников наиболее консервативного течения ислама, отрицающего любые нововведения в религии). Публикуются новости на английском и других языках о наиболее важных событиях деятельности «ИГ»
Al-Minbar Al-'Ilami Al-Jihadi (араб. «Информационная платформа джихада»)	Арабоязычный форум, на котором обсуждаются видеоматериалы, постеры и статьи, рассказывающие об «ИГ»
Jihadology (англ. «Джихадология»)	Интернет-сайт, публикующий пропагандистские фотографии, видеоролики и аудиозаписи агентства "I'tisam"

По оценкам Центра стратегических антитеррористических коммуникаций Госдепартамента США (CSCC), наиболее часто боевиками используется сервис микроблогов Twitter. Так, в период наибольшей активности представительство «ИГ» и его сторонников в Twitter включало в себя сеть из 46 тыс. активных аккаунтов, ежедневно генерировавших примерно 90 тыс. твитов.

Также террористы активно используют самую популярную в мире социальную сеть Facebook, сервисы обмена мгновенными сообщениями Telegram, Surespot, сервис вопросов и ответов Ask, а также системы обмена контентом наподобие JustPast.it [11, 17].

Администрация названных ресурсов блокирует аккаунты боевиков по мере их обнаружения, но они сразу же создаются вновь под другими именами. В последнее время наметилась тенденция к уходу сторонников «ИГ» с сервисов, подвергающих размещенную на них информацию жесткой цензуре, таких как Twitter и Facebook, в менее популярные, но относительно либеральные социальные сети VK и Diaspora.

В последнее время фиксируются попытки группировки создать собственную социальную медиаплатформу. Так, 3 мая 2017 года во время конференции по безопасности в Лондоне директор Европола Роб Уэйнрайт сообщил, что усилиями специалистов из США, Бельгии, Польши, Греции и Португалии было предотвращено создание «ИГ» собственной социальной сети, «посредством которой радикальные исламисты намеревались продвигать свои идеи» [10].

В связи со стремительным ростом популярности мобильных приложений боевики «ИГ» начали активно использовать данную технологию. В частности, сторонниками группировки было разработано приложение для операционной системы Android “The Dawn of Glad Tidings” (англ. «Источник благих вестей») для массовой генерации и рассылки сообщений в Twitter. При регистрации в приложении оно начинает рассылать от имени пользователя одинаковые сообщения, вставляя между каждым символом пробел, обходя тем самым алгоритмы защиты от спама в Twitter.

По данным исследователя Университета Джорджа Вашингтона (США) Дж. М. Бергера, около 20% сообщений создают интернет-боты (программы, выполняющие автоматическую рассылку определенной информации в Интернете). Это помогает группировке поддерживать иллюзию своей силы и многочисленности сторонников [19].

На основании вышеизложенного были сделаны следующие выводы об особенностях канала распространения информационно-пропагандистских материалов «ИГ»: террористы активно используют социальные медиаплатформы, ресурсы, повышающие интерактивность и скорость взаимодействия с аудиторией. В рамках данного канала коммуникации боевиками широко используются интернет-боты и приложения, призванные сформировать у аудитории ложное ощущение широкой социальной поддержки группировки.

Террористы активно вовлекают рядовых интернет-пользователей в работу по созданию пропагандистских материалов через систему краудсорсинга, что позволяет сокращать их расходы на медиакампании и оставаться вне поля зрения спецслужб. Особый психологический эффект неформальных каналов создается за счет использования привычных, популярных, высокоскоростных коммуникационных сетей, типа WhatsApp, Viber, передающих «цифровые слухи» и сплетни «в одно касание», «в режиме реального времени». Удовлетворяя свою потребность в признании, многие стремятся стать «информационным авторитетом» и мгновенно рассылают по всем известным адресам не только «письма счастья», но и очевидную или скрытую дезинформацию.

Пристальное внимание, по нашему мнению, необходимо уделить такому компоненту матрицы убеждающей коммуникации, как содержание сообщений, специфике **информационно-пропагандистских материалов «ИГ»**.

Анализ деятельности «ИГ» по созданию и распространению различного медиаконтента подтверждает тезис о том, что сегодня «ИГ» в большей степени интернет-проект, чем реальная боевая сила. По статистике ежедневно информационные подразделения «ИГ» производят 38 полноформатных материалов. При этом выпускаемый контент характеризуется высокой степенью диверсификации (разнообразием форматов). Пропагандисты «ИГ», пытаясь максимально учесть предпочтения целевой аудитории, создают видеоролики, документальные фильмы, фотоколлажи, аудиозаписи и памфлеты на различных языках, в том числе арабском, английском, русском, турецком, курдском, французском, китайском, бенгальском и др. [17].

Принципиальное отличие материалов «ИГ» от материалов других исламистских группировок заключается в смещении акцента с демонстрации «боевых будней бойцов элитных подразделений» в пользу показа жизни обычных рядовых террористов. Цель такого подхода — сформировать у зрителя чувство идентификации себя с террористом, эмоционально вовлечь его в наблюдаемое на экране действие.

Максимальному вовлечению аудитории способствует также использование передовых технологий производства медиаконтента, таких как видеосъемка с БПЛА (беспилотных летательных аппаратов), экшен-камер, закрепленных на оружии и снаряжении террористов и др. Получившиеся кадры от первого лица напоминают популярные в среде интернет-пользователей игры, такие как шутер от первого лица “Call of Duty” [18]. Посыл подобных материалов предельно прост: террористы как бы приглашают зрителя приехать в «халифат» и испытать на себе все, что он уже видел в игре, но на этот раз в реальной жизни.

Помимо эмоционального вовлечения использование привычных для интернет-пользователей образов из компьютерных игр, сериалов и других произведений массовой культуры задействует психологический эффект узнавания (апперцепции).

Данный эффект проявляется в том, что аудитория с большей вероятностью обратит внимание и отреагирует на сообщение, содержащее знакомые ей образы и сюжеты.

Особого внимания в этом плане требуют создатели интернет-журнала «Дабик», оформление и верстка которого имитируют стилистику привычных для западного читателя изданий, таких как Times и Businessweek. Статьи журнала, освещающие «подвиги» террористов, в свою очередь содержат недвусмысленные отсылки к популярному сериалу «Игра престолов». Авторы «Дабики» героизируют насилие по аналогии с тем, как это делают создатели сериала. Насилие в их исполнении становится частью своеобразной героической эстетики, неразрывно связанной с самим подвигом. Из образов и сюжетов ислама создается своего рода фэнтези, в которое авторы предлагают погрузиться читателю. Разбираясь в старинных письменах, он должен взять автомат и отправиться в страну смертельно опасных приключений, главное из которых должно произойти в самом Дабике [15].

Таким образом, материалы информационно-пропагандистского воздействия «ИГ» на интернет-аудиторию характеризуются высокой степенью диверсификации и охватывают весь спектр современных форматов информационной продукции. Стремясь к максимальному эмоциональному вовлечению аудитории, боевики показывают будни рядовых бойцов «ИГ», позволяя зрителю увидеть войну глазами ее непосредственных участников. Кроме того, пропагандисты «ИГ» активно эксплуатируют психологический эффект узнавания, имитируя в своих материалах хорошо известные аудитории образы и сюжеты из произведений массовой культуры.

Анализ показал, что в содержании сообщений «ИГ», циркулирующих в системе информационно-психологического противоборства, преобладают не содержательно, а эмоционально насыщенные сюжеты. Они чаще всего связаны с детьми (излагаются от имени детей, содержат картины нечеловеческих страданий и смерти детей), с утверждениями об использовании противниками ИГ негуманных способов и средств ведения войны (химического оружия, ковровых бомбардировок жилых кварталов, сверхразрушительного оружия» и т.п.).

Следующий компонент модели убеждающей коммуникации, который был проанализирован, это **целевая аудитория** (объект воздействия).

На сегодняшний день в массовом сознании сложилось стереотипное представление о том, что пропаганда «ИГ» является собой единый поток информации и основана на демонстрации сцен жестокости. На самом деле специалисты выделяют шесть самостоятельных тем, используемых в информационных материалах «ИГ», каждая из которых ориентирована на конкретную целевую группу аудитории [20]. В ходе исследования авторами дополнительно были выделены и описаны две часто встречающиеся темы.

1. Сцены **жесточких расправ** над врагами служат цели запугивания всех тех, кто осмелится противостоять террористам. Аудиторией таких материалов являются жители территорий, на которых «ИГ» ведет боевые действия, а также военнослужащие армий, противостоящих группировке стран. Еще одна целевая группа материалов, содержащих сцены насилия, — психически неуравновешенные граждане западных стран. Жестокость становится для них своеобразным психологическим триггером, приводящим в действие подавляемую агрессию. Таким образом, боевики провоцируют людей на «разрядку» своих эмоций путем совершения агрессивных действий против случайных прохожих на улице, учеников школ или посетителей медицинских центров. Эти акты агрессии призваны дестабилизировать социально-политическую обстановку в странах, борющихся с «ИГ», и внушить их гражданам убежденность в беззащитности западного мира против боевиков.

2. Материалы, посвященные теме **сострадания** вероотступникам или их прощения, в основном ориентированы на противников группировки. Так, в видеоролике “From Darkness to the Light” (англ. «Из тьмы в свет») солдаты Сирийской арабской армии, Сирийской свободной Армии и Джебхат ан-Нусры, бывшие заклятые враги «ИГ», на камеру отрываются от прежних убеждений и присягают на верность группировке. Сразу после этого к ним подходят боевики и радостно заключают их в свои объятия. Подобные материалы, демонстрирующие людей, откликнувшихся на истаба (призыв к покаянию), призваны склонить врагов «ИГ» к прекращению сопротивления и переходу на сторону джихадистов.

Вместе темы сострадания и жестокости составляют своего рода симбиоз. Данные сюжеты регулярно переплетаются в материалах «ИГ», давая понять, что у населения подконтрольных боевикам территорий и врагов группировки есть два выбора — сопротивляться и погибнуть или добровольно подчиниться, отказаться от своих прежних взглядов и быть помилованными за это (табл. 3).

Таблица 3. Основные темы информационно-пропагандистских материалов «ИГ» и их целевые группы

Тематика материалов	Содержание материалов	Целевые группы материалов
1. Жестокость	Сцены казней и телесных наказаний за нарушение законов шариата, гомосексуализм, вооруженное сопротивление или пособничество врагам «ИГ»	Противники «ИГ». Жители территорий, на которых «ИГ» ведет боевые действия. Психически неуравновешенные граждане немусульманских стран

2. Сострадание (прощение вероотступников)	Демонстрация людей, откликнувшихся на иститабу и вступающих в ряды «ИГ»	Противники «ИГ». Жители территорий, на которых «ИГ» ведет боевые действия
3. Жертвенность	Рассказ о людях, пожертвовавших собой во имя «победы над крестоносцами», обращение к универсальным ценностям (семья, дети, любовь и др.) с целью улучшения имиджа «ИГ» и пробуждения сочувствия к «мученикам за веру»	Проживающие по всему миру мусульмане (т.н. умма — глобальное сообщество правоверных)
4. Военные успехи	Репортажи с баз подготовки боевиков, отчеты о победах на фронте, военные парады и т.д.	Противники «ИГ». Жители территорий, на которых «ИГ» ведет боевые действия. Потенциальные рекруты
5. Социальная поддержка (причастность к группе)	Сцены повседневной жизни боевиков «ИГ» в атмосфере «братской любви» и товарищества, якобы царящей в рядах группировки	Обманутые, лишенные собственности в результате мошенничества, покинутые родными, близкими и любимыми людьми
6. Исламская утопия	Сцены мирной жизни на подконтрольных «ИГ» территориях, якобы соответствующей нормам шариата, отчеты об экономических успехах, работе «департаментов» и «министерств» «ИГ»	Мусульмане, проживающие в преимущественно немусульманских западных странах или недавно туда переехавшие. Лица, недовольные либеральными ценностями Запада, крахом нравственных устоев, семейных ценностей, ложной сущностью современной демократии
7. Защита единоверцев (выделено авторами)	Демонстрация последствий «глобальной войны», которая якобы ведется «крестоносцами» против ислама, сопровождающаяся призывами к защите мусульман	Проживающие по всему миру мусульмане (умма)
8. Страх (выделено авторами)	Демонстрация терактов, заснятых на видео, фотографии сторонников «ИГ» рядом с узнаваемыми местами в городах стран Запада и др.	Противники «ИГ», проживающие в преимущественно немусульманских странах

3. Тема **жертвенности** красной нитью проходит через большую часть материалов «ИГ». Сюжеты, ориентированные на умму, рассказывают о людях, добровольно пожертвовавших собой во имя «победы над крестоносцами». При этом затрагиваются универсальные ценности, такие как семья, дети, любовь и др. [17].

4. **Военные успехи** «ИГ» занимают не последнее место среди сюжетов пропаганды группировки. Зрителям демонстрируются репортажи с баз подготовки террористов, отчеты о победах на фронте, парады военной техники и т.д. Аудиторией подобных материалов являются как противники группировки (с целью деморализации), так и потенциальные рекруты из числа симпатизирующих группировке.

5. Тема **социальной поддержки** или причастности к группе эксплуатирует один из самых мощных мотиваторов поведения людей — желание присоединиться к другим и заслужить их одобрение. Демонстрируются сцены повседневной жизни боевиков «ИГ», проходящей в атмосфере «братской любви» и товарищества, которая якобы царит в рядах группировки. Цель — убедить потенциальных рекрутов в том, что, приехав в «ИГ», они смогут обрести единомышленников и преданных друзей.

6. Сюжеты на тему **исламской утопии** показывают идеальный мир, основанный на строгом соблюдении норм шариата, лишенный недостатков «бездуховной» западной цивилизации. Пропагандисты рисуют перед зрителем «виртуальный халифат», в котором есть все атрибуты общества XXI века при полном отсутствии преступности, наркомании, гомосексуализма и других «пороков» современного мира. Цель боевиков — представить группировку как настоящее функционирующее государство со всеми атрибутами последнего: судами, органами охраны правопорядка, департаментами и министерствами. Сцены мирной жизни на подконтрольных боевикам территориях призваны убедить проживающих на Западе мусульман, что «ИГ» — идеальное место для жизни, создания семьи и воспитания детей. Обращение к данной тематике — уникальная особенность пропаганды «ИГ», так как другие джихадистские группировки не имеют под своим контролем значительных территорий и не могут поддерживать миф о полноценном «халифате».

7. Тема **защиты единоверцев** была выявлена авторами в ходе анализа деятельности «ИГ» в интернет-пространстве. Материалы по данной теме использу-

ются в целях вербовки мусульман, проживающих в преимущественно немусульманских странах. Призыв к защите единоверцев, как правило, сопровождается демонстрацией последствий «глобальной войны», которая якобы ведется «крестоносцами» против ислама: жертв бомбардировок и обстрелов жилых кварталов, убитых женщин и детей. У всех подобных материалов один и тот же посыл: «Где же вы, настоящие мусульмане? Ваш долг заступиться за единоверцев». Результатом распространения такого рода сообщений стало вступление в ряды «ИГ» более 30000 иностранных боевиков со всего мира [17].

8. Тема **страха** также не упоминается большинством авторов, но была выявлена в ходе анализа рассматриваемой проблемы. Запугивание применяется по отношению к врагам группировки, а также гражданам стран, объявивших войну террористам. Страх призваны внушать кадры терактов, запечатленных на видео, а также публичная демонстрация проявления людьми по всему миру лояльности по отношению к группировке. Так, в 2014 г. боевиками был запущен интернет-флешмоб под названием «A billion Muslims support the Islamic State» (англ. «Миллиард мусульман поддерживает Исламское государство»). В ходе акции боевики призывали мусульман по всему миру выражать свою поддержку «ИГ», публикуя фотографии со своими заявлениями на фоне хорошо узнаваемых зданий в городах США, Европы и Ближнего Востока. Целью подобных материалов было убедить население стран, противостоящих террористам, в том, что их правительства не в состоянии обеспечить должных мер безопасности, а противники «ИГ» нигде не смогут чувствовать себя в безопасности.

Таким образом, подход «ИГ» к работе с целевой интернет-аудиторией характеризуется узким таргетированием информационных материалов группировки. Каждое сообщение создается в рамках одной из восьми основных тем и предназначено для воздействия на определенные группы пользователей сети: противников террористов, жителей районов ведения боевых действий, проживающих на Западе мусульман и др.

Важным компонентом матрицы эффективной коммуникации является **эффективность передаваемых сообщений** (с какой эффективностью?). Исходно задаваемая эффективность составляет цель информационно-психологического воздействия. В качестве таких целей могут быть: вызвать интерес, посеять сомнения, заставить задуматься, поверить, согласиться, стать фанатом, не мешать действиям, поддержать действия, участвовать в акциях, совершить действия, проявлять неповиновение, бороться, посвятить себя и т.д. Для этого широко используется «Окно Овертона», позволяющее постепенно, посредством информационных ухищрений переводить восприятие целевыми аудиториями «ИГ» через позиции «это невысказано», «это чрезвычайно радикально», «это приемлемо», «это разумно», «это стандартно» к позиции «это нормально».

И тут также значительны возможности краудсорсинга, суть которого, как известно, состоит в привлечении широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта на добровольных началах с применением инфокоммуникационных технологий. Его очевидные преимущества проявляются в различных сферах информационно-психологического противоборства. Во-первых, вместо одного специалиста в работу включаются десятки, а может быть, и сотни желающих, что создает впечатление их нахождения «вовремя и везде». «Лайковая психология» (*термин предложен Ю.П. Зинченко*), стремление многих людей прославиться любым способом, в одночасье, не прилагая особых усилий, создает огромную базу для «добровольцев» в информационно-психологическом противоборстве. Среди этих людей могут быть люди талантливые и творческие. Одновременно под личиной добровольца легко спрятать профессиональных специалистов психологических операций. Во-вторых, представленность среди добровольных «корреспондентов» и «блогеров» «ИГ» разных социальных групп создает видимость, что в его пропаганде звучит «глас народа», представляющий интересы этого народа. В-третьих, неподконтрольность, свобода от запретов и ограничений позволяет информации «из толпы» обращаться к самым темным сторонам человеческой психики. Создается эффект: «вы хотели об этом знать? Знайте!». В-четвертых, участие информационных волонтеров практически ничего не стоит «ИГ», что создает очевидные финансовые преимущества.

Таким образом, проведенный анализ информационно-пропагандистской деятельности террористической группировки «ИГ» в сети Интернет позволил выделить следующие ее особенности:

— **децентрализация медиакампаний**, позволяющая обеспечить эффект «быть везде и вовремя», а также «живучесть» пропагандистской машины группировки, способность сохранять функционирование даже в случае уничтожения отдельных ее элементов;

— **широкое использование технологии краудсорсинга и неформальной системы коммуникаций**, создающих эффект «народного коммуникатора», видимость представленности в сообщениях интересов широких масс, разных социальных групп;

— **активное использование популярных, модных социальных медиаплатформ**, повышающее уровень интерактивности и скорость взаимодействия пропагандистов «ИГ» с целевыми аудиториями, а также «просачиваемость», «живучесть» распространяемых боевиками материалов;

— **диверсификация контента**, охватывающего весь спектр современных форматов информационной продукции и делающего акцент на базовых эмоциях людей;

— **узкое таргетирование** материалов информационно-пропагандистского воздействия, адаптация их для конкретных групп целевой аудитории.

Великий китайский стратег и философ Сунь-цзы писал: «Возможность победы заключена в

противнике». Для того чтобы победить «ИГ» в информационно-психологическом противоборстве, необходимо знать, из каких элементов построена и как функционирует его пропагандистская машина, уметь выявлять ее сильные и слабые места, а также использовать эти знания при проведении превентивных мероприятий в сети Интернет.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник / Г.М. Андреева. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во МГУ, 1988. 429 с.
2. Караяни А.Г. Информационно-психологическое противоборство: сущность, содержание, методы: учебное пособие / А.Г. Караяни [и др.]; под ред. А.М. Кондакова. М., 2000.
3. Караяни А.Г. Противодействие информационно-психологическим акциям противника в современной войне: учебное пособие / А.Г. Караяни, Ю.М. Караяни, Ю.П. Зинченко. М.: ВУ, 2016. 228 с.
4. Караяни А.Г. Психологические операции в современной войне: сущность, содержание, пути противодействия: учебное пособие / А.Г. Караяни. Самара, 1997. 407 с.
5. Караяни А.Г., Зинченко Ю.П. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика: учебник / А.Г. Караяни, Ю.П. Зинченко. М.: МГУ, 2007. 172 с.
6. Старунский А.Г. Психологическое воздействие как объект акмеологического исследования: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Александр Геннадьевич Старунский. М., 1998. 129 с.
7. Уинтер Ч. «Исламское государство»: как работает его пропаганда / Ч. Уинтер [Электронный ресурс] // BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/10/151005_is_propaganda_war.
8. Боевики ИГ казнили 300 бывших иракских полицейских около Мосула [Электронный ресурс] // Лента.Ру. URL: <https://lenta.ru/news/2016/11/17/iraqisipunishment>.
9. В Казахстане почти 80% террористов завербованы через Интернет [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2210658.html>.
10. Европол: ИГ разрабатывает собственную социальную сеть [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4230203>.
11. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы // Аналитические доклады ИМИ. Вып. 1 (45). М.: МГИМО-Университет, 2016.
12. 80% россиян-боевиков ИГИЛ завербованы через Интернет [Электронный ресурс] // Islam Today. URL: <http://islam-today.ru/novosti/2016/03/23/80-rossian-boevikov-igil-zaverbovani-cerez-internet>.
13. Botobekov, U. ISIS and Central Asia: A Shifting Recruiting Strategy / U. Botobekov // The Diplomat [Electronic resource]. Available at: <http://thediplomat.com/2016/05/isis-and-central-asia-a-shifting-recruiting-strategy>.
14. Flynn, M.T., Ledeen, M. The Field of Fight: How We Can Win the Global War Against Radical Islam and Its Allies / M.T. Flynn, M. Ledeen. N.Y.: St. Martin's Press, 2016.
15. Hoffman, A. The Islamic State's Use of Social Media: Terrorism's Siren Song in the Digital Age / A. Hoffman // INSS: The Institute for National Security Studies [Electronic resource]. Available at: <http://www.inss.org.il>.
16. ISIS's Propaganda Machine // Crethi Plethi [Electronic resource]. Available at: <http://www.crethiplethi.com/isis-s-propaganda-machine/islamic-countries/syria-islamic-countries/2015>.
17. Koerner, B.I. Why ISIS Is Winning the Social Media War / B.I. Koerner // Wired [Electronic resource]. Available at: <https://www.wired.com/2016/03/isis-winning-social-media-war-heres-beat>.
18. The death of an ISIS fighter seen through his own eyes: Militant gunman's body camera records the moment he is shot by a sniper after moving out of cover // Daily Mail [Electronic resource]. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3134540/The-death-ISIS-fighter-seen-eyes-Militant-gunman-s-body-camera-records-moment-shot-sniper-moving-cover.html>.
19. Twitter's role in modern warfare // BBC [Electronic resource]. Available at: <http://www.bbc.com/news/technology-35842265>.
20. Winter, C. The Virtual 'Caliphate': Understanding Islamic State's Propaganda Strategy / C. Winter. The Quilliam Foundation. London, 2015.

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ КУРСАНТОВ ВУЗОВ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ

Краснова Карина Валерьевна,
аспирант Российского государственного социального университета (РГСУ)
014130@mail.ru

В статье представлены результаты анализа практики формирования профессиональных компетенций курсантов вузов силовых ведомств. Показана возможность выявления согласованности мнений субъектов образовательного процесса относительно требуемых профессиональных компетенций в деятельности сотрудников силовых ведомств. Эмпирическим путем выявлена устойчивая иерархия профессиональных компетенций, включающая две группы способностей — операционально-тактические и стратегически-профессиональные.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, компетентность, способности, кластерный анализ, коэффициент конкордации Кендалла.

ANALYSIS OF PROFESSIONAL COMPETENCE FORMING PRACTICE OF CADETS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF SECURITY AGENCIES

Krasnova Karina V.,
Postgraduate Student of the Russian State Social University (RSSU)

The article gives the results of the analysis of professional competence forming practice of cadets of higher educational institutions of security agencies. The author shows the possibility to reveal consistency of opinions of the educational process subjects on the issue of professional competencies required for the activity of the security agency officers. The article applies the empirical approach to define consistent hierarchy of professional competencies that includes two groups of abilities: operational tactical and strategic professional.

Key words: professional competences, competence, abilities, cluster analysis, Kendall's coefficient of concordance.

С 2011 года, когда вузы силовых ведомств приступили к реализации федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения, проблеме формирования профессиональных компетенций курсантов стало уделяться особое внимание. Новые стандарты установили высокие требования к образовательным программам, в соответствии с которыми профессиональная компетентность будущих офицеров должна быть сформирована уже на этапе окончания вуза. Это обуславливает постановку новых задач перед теорией и методикой военно-профессионального образования, связанных с совершенствованием целеполагания, отбора содержания, методов и технологий обучения курсантов, инновированием подготовки профессорско-преподавательского состава и диагностики качества образования в военных вузах.

Компетентностный подход, акцентирующий внимание на новой парадигме результата образования¹, в качестве результативно-целевой основы рассматривает компетенции, определяющие способность офицера адекватно действовать в различных динамично изменяющихся условиях военно-профессиональной деятельности (в том числе и в ситуации неопределенности)². Исходя из этого, решение задачи

подготовки курсантов вузов силовых ведомств, отвечающей современным требованиям, становится возможным посредством проектирования и осуществления в вузах целенаправленного процесса формирования профессиональных компетенций, необходимых для успешного выполнения функциональных обязанностей и задач по организации защиты и охраны государственной границы Российской Федерации на порученном участке.

Системообразующим элементом процесса формирования профессиональных компетенций курсантов вузов силовых ведомств выступает его цель. Генерализированной целью исследуемого процесса является актуализация потенциала саморазвития основ профессиональной компетентности (знаний, умений, навыков, опыта и личностных качеств) обучающихся, необходимого для успешной учебно-профессиональной деятельности, а его задачами выступают: достижение необходимой глубины профессиональных знаний, навыков и умений, развитие стрессоустойчивости, способности к самообучению, готовности и способности к принятию решений в ситуациях неопределенности, способности к эффективной коммуникации и способности к лидерству.

Обязательными элементами структуры процесса формирования профессиональных компетенций являются субъекты и объекты. Субъектами исследуемого процесса выступают командование вуза и факультетов, профессорско-преподавательский со-

¹ Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования [Электронный ресурс] // Эйдос. 2006. № 5. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>.

² Шишков А.И. Формирование профессиональной компетентности курсантов военных вузов в ходе тактико-специальной подготовки: дис. ... канд. пед. наук. М.: ВУ, 2014. С. 47.

став кафедр, курсовые офицеры, обладающие необходимой для проектирования и реализации процесса формирования профессиональных компетенций курсантов педагогической подготовкой; курсанты, обладающие соответствующей мотивацией к овладению профессиональными компетенциями, пониманием значимости профессии, инициативностью, творческим подходом к разрешению учебно-профессиональных задач, стремлением к совершенствованию своего профессионального мастерства и достижению высоких успехов в деятельности сотрудника силовых ведомств. Объектом процесса формирования профессиональных компетенций курсантов являются учебно-методическая документация, педагогические условия осуществления и характер взаимодействия субъектов данного процесса.

Единство цели процесса формирования профессиональных компетенций курсантов вузов силовых ведомств обеспечивается согласованными представлениями субъектов структуры образовательного процесса по компетенциям, необходимым для успешного осуществления профессиональной деятельности будущим выпускником. Несогласованность мнений субъектов образовательного процесса относительно важности той или иной компетенции может привести к дифференциации всей системы и непосредственно отразиться на личности будущего сотрудника.

Исходя из вышеуказанных положений в целях выявления характера и степени согласованности позиций субъектов педагогического процесса при формировании профессиональных компетенций было проведено исследование. Мнения респондентов оценивались с помощью специально разработанной анкеты, которая содержала требования к выпускнику вузу силовых ведомств, выделенные на основании регламентирующей деятельность ведомственных приказов и инструкций³. В ходе анкетирования респондентам, участвующим в опросе, предлагалось проранжировать представленные требования по

³ Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 января 2011 г. № 39 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030901 Правовое обеспечение национальной безопасности (квалификация (степень) «специалист»); Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 января 2011 г. № 67 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030301 Психология служебной деятельности (квалификация (степень) «специалист»); Приказ ФСБ РФ от 8 ноября 2012 г. № 562 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по осуществлению пограничного контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 7 мая 2009 г. № 397 «О порядке пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Российскую Федерацию в туристических целях на паромках, имеющих разрешения на пассажирские перевозки»; Постановление Правительства РФ от 4 июня 2012 г. № 546 «Об утверждении Положения о содержании пограничного контроля при пропуске лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через государственную границу Российской Федерации».

степени их важности. Опрашиваемые респонденты были поделены на три категории: профессорско-преподавательский состав кафедр, сотрудники подразделений пограничного контроля и курсанты, обучающиеся по направлению «Пограничная деятельность». В исследовании приняли участие 203 человека, из них действующие сотрудники: несущие службу на автомобильном пункте пропуска — 70 человек (35%), железнодорожном пункте пропуска — 25 человек (12%), курсанты 5-го курса, обучающиеся по специальности «пограничная деятельность», — 33 человека (16%), 4-го курса — 30 человек (15%), курсанты, обучающиеся по специальности «пограничный контроль» (среднее профессиональное образование), — 25 человек (12%), преподаватели кафедр «Пограничная деятельность» — 20 человек (10%). Наглядно распределение респондентов по категориям представлено на рисунке 1.

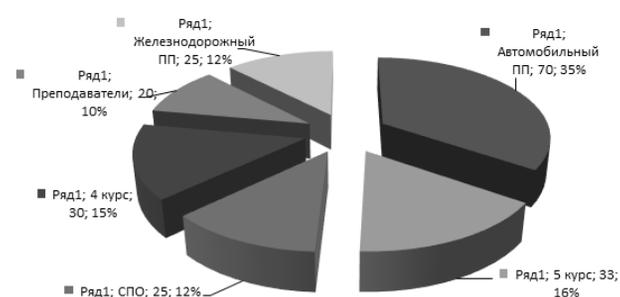

Рис. 1. Характеристика выборки респондентов

Анкетирование проводилось в период с сентября 2015 по май 2016 года. Основной проблемой при проведении анкетирования явилось игнорирование инструкций и, как следствие, неправильно заполненные анкеты в количестве 90 шт., представленные из пункта пропуска «Аэропорт».

В целях выявления степени согласованности мнений респондентов использовался коэффициент конкордации Кендалла (W). Данный коэффициент позволяет оценить степень согласованности упорядоченных рангов, где сам коэффициент W изменяется от нуля до единицы, где ноль указывает на рассогласованность, а единица — на согласованность. Данный метод статистической обработки данных не требует нормальности распределения и позволяет работать с порядковыми шкалами, в нашем случае и первое, и второе условие соблюдаются. По сути, данный критерий является многомерным аналогом ранговой корреляции Спирмена. Основным отличием коэффициента конкордации от ранговой корреляции Спирмена является то, что он не принимает отрицательных значений⁴. В статистическом пакете анализа данных SPSS-21 существует возможность расчета данного коэффициента с вычислением как самого значения W, так и уровня значимости.

⁴ Ромашкина Г.Ф., Татарова Г.Г. Коэффициент конкордации в анализе социологических данных // Социология: 4М. 2005. № 20. С. 136.

Результаты расчета коэффициентов конкордации Кендалла применительно к мнениям респондентов по квалификационным требованиям к выпускнику вуза силовых ведомств представлены в таблице. Согласованность мнений оценивалась как отдельно по каждой категории сотрудников, курсантов и преподавателей, так и в целом по всей выборке.

Таблица. Результаты расчета коэффициента конкордации Кендалла

Категория	Коэффициент конкордации (W)	Уровень значимости (p<)
Автомобильный ПП	0,209	0,001
Железнодорожный ПП	0,259	0,001
4-й курс	0,267	0,001
5-й курс	0,320	0,001
СПО	0,335	0,001
Преподаватели	0,447	0,01
По всей выборке	0,240	0,001

Результаты указывают на то, что как по каждой исследуемой категории, так и по всем результатам в целом коэффициент W является значимым. Данные результаты позволяют говорить о согласованности позиций по квалификационным требованиям к выпускнику силовых ведомств как со стороны преподавателей и курсантов, так и со стороны сотрудников, непосредственно осуществляющих профессиональную деятельность. Согласованность позиций в звене «сотрудник — педагог — курсант» является обоснованной.

Высокая значимость коэффициента конкордации по выборке позволяет построить единую упорядоченность рангов по требованиям, предъявляемым к выпускнику вуза силовых ведомств. Для этого по каждому оцениваемому требованию высчитывался средний ранг (относительный ранг). Относительные ранги по оцениваемым требованиям в вузе силовых ведомств представлены в следующем порядке (на первом месте самая востребованная компетенция):

- способность управлять подразделением в различных условиях обстановки (ср. ранг 4,4);
- способность организовывать служебную деятельность (ср. ранг 5,2);
- способность организовывать и осуществлять мероприятия по всестороннему обеспечению служебной деятельности (ср. ранг 5,7);
- способность получать, анализировать, оценивать и использовать информацию об обстановке (ср. ранг 6,6);
- способность целесообразно применять силы и средства подразделения при осуществлении служебной деятельности (ср. ранг 6,8);
- способность организовывать и контролировать соблюдение на государственной границе и приграничной территории установленных режимов (ср. ранг 7);
- способность поддерживать боевую готовность подразделения (ср. ранг 7,3);
- способность давать правовую оценку получаемой в процессе служебной деятельности информации (ср. ранг 7,6);

— способность осуществлять поиск, изучение, обобщение и систематизацию научной (научно-технической) информации, нормативных и методических материалов в сфере профессиональной деятельности (ср. ранг 8);

— способность применять нормы права (ср. ранг 8,5);

— способность участвовать в организации, осуществлять и поддерживать взаимодействие с соответствующими субъектами при решении служебных задач (ср. ранг 8,53);

— способность организовывать и осуществлять мероприятия профессиональной учебы в подразделении (ср. ранг 8,8);

— способность обучать и воспитывать подчиненных (ср. ранг 9,2);

— способность применять современные методы прикладных научных исследований (ср. ранг 11,9);

— способность преподавать специальные дисциплины (ср. ранг 12,3).

Уже невооруженным глазом видно, что порядок реализуемых компетенций обнаруживает некоторую структуру. Первые три ранга представлены компетенциями, связанными с непосредственным осуществлением профессиональной деятельности, тогда как последние четыре ранга отражают требования к офицеру-выпускнику как педагогу и исследователю. Каждому вновь названному относительному рангу для удобства дальнейшего обращения был присвоен порядковый номер, первый ранг получил обозначение — p1, последний соответственно — p15.

В целях проверки наличия структуры в представленных данных был проведен иерархический кластерный анализ методом выделения внутригрупповых связей. Кластеризации были подвергнуты переменные — профессиональные компетенции. Выбор метода внутригрупповых связей продиктован тем, что мы работаем с оценками экспертов и нам преимущественно интересно именно сходство этих оценок. В качестве дополнительной процедуры при кластерном анализе наши данные, представленные в ранговой шкале, были подвергнуты принудительной Z-стандартизации⁵. Ниже, на рисунке 2, представлена дендрограмма, где между 20-м и 25-м шагом агломерации мы обнаруживаем отчетливо выделенные два кластера.

Первый кластер образован профессиональными компетенциями p1–p7, p10, второй кластер p8, p9, p11–p15. Два кластера семантически можно разделить по двум основаниям по роли в процессе осуществления профессиональной деятельности.

К первому кластеру относятся способности, которые представлены умениями осуществлять управленческие, организационные, прогностические процедуры. Данные способности требуются преимущественно на этапах подготовки и осуществления профессиональной деятельности сотрудника силовых ведомств на пункте пропуска. Данный кластер получил условное обозначение «операционально-такти-

⁵ Наследов А.Д. SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 2005. С. 318–320.

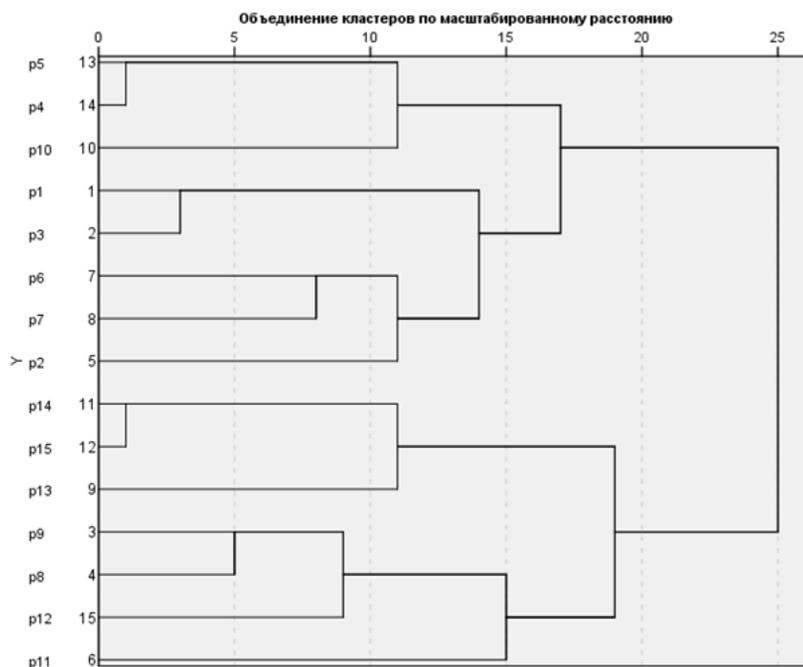

Рис. 2. Дендрограмма с использованием метода внутригрупповых связей

ческие способности». В большинстве случаев компетенции данного кластера поддаются алгоритмизации, на практике могут быть существенно форматизированы при осуществлении профессиональной деятельности. Так, например, введение профессиональной деятельности в различных условиях осложнения обстановки может быть описано в виде приказов, распоряжений и инструкций, указывающих и разъясняющих необходимый порядок действий сотрудника.

Второй кластер представлен компетенциями, требующими от сотрудника способностей к взаимодействию с субъектами при решении оперативно-служебных задач; оценке, поиску, изучению, обобщению и систематизации получаемой в ходе профессиональной деятельности информации с использованием научно-методологического аппарата; трансформации и внедрению научно обоснованного передового опыта через систему педагогических мероприятий в подразделении. Второй кластер уже предполагает проявление активности, направленной на расширение профессионального опыта, развитие и оптимизацию самой пограничной деятельности. В результате обобщения следует указать на преимущественно стратегический характер содержания данного кластера. Исходя из представленных рассуждений, данному кластеру присвоено обозначение «стратегически-профессиональные способности».

В свою очередь иерархическая структура, полученная в ходе условного ранжирования профессиональных требований к сотруднику по специальности «пограничная деятельность», позволяет определить очередность освоения данных компетенций курсантами вузов силовых ведомств и одновременно представленность их в профессиональной деятель-

ности сотрудников силовых ведомств. Существенное значение в рамках образовательного процесса в вузе силовых ведомств в первую очередь придается реализации «операционально-тактических способностей», во вторую уже «стратегически-профессиональных способностей».

Анализ практики формирования профессиональных компетенций в вузе силовых ведомств позволил установить, что высокая согласованность мнений в звене «сотрудник — преподаватель — курсант» является важной составляющей образовательного процесса. Реализуемые профессиональные компетенции отвечают потребностям служебной деятельности. Предъявляемые в ходе прохождения дисциплин требования к курсанту позволяют ему выстроить образ профессии, упорядочить понимание целей и задач предстоящей профессиональной деятельности. Уместно будет сказать об адаптивной функции компетентного подхода, т.е. через реализуемые компетенции осуществляется совместное построение образа будущей профессии субъектами образовательного процесса. Усвоение образа профессии и выработка соответствующих способностей обеспечит выпускнику более гармоничную интеграцию в служебную деятельность.

С другой стороны, единство мнений по важности реализуемых в образовательном процессе вуза силовых ведомств требований обнаруживает в себе нацеленность на формирование статичного исполнителя приказов. Индивидуальная вариативность поведения профессионала в таких условиях может существенно ограничиваться согласованным воздействием требований со стороны как образовательной, так и профессиональной среды. Опера-

ационально-тактические способности обеспечивают выпускнику вуза силовых ведомств выполнение профессиональной деятельности без существенных потерь в качестве. Тогда как недостаточно востребованные стратегически-профессиональные способности на практике могут привести к затруднениям при решении соответствующих задач. В условиях быстро меняющейся обстановки разрешение данной проблемы актуализирует поиск дополнительных ресурсов. Например, невостребованность у выпускника педагогических способностей может привести к избеганию проведения занятий по специально и боевой подготовке или же проведению данных занятий на невысоком уровне. Решение же данной задачи будет обеспечиваться путем делегирования ее образовательным учреждениям.

Еще одним важным результатом проведенного исследования является получение представлений о распределении ресурсов образовательного процесса в вузе силовых ведомств. Если первоочередной целью образовательного процесса является вооружение курсанта операционально-тактическими способностями, а стратегически-профессиональные способности выступают на втором месте, то основные ресурсы в виде профессорско-преподавательского состава, материально-технического обеспечения, учебно-методического обеспечения будут направлены на реализацию компетенций именно операционально-тактической группы.

Таким образом, анализ практики формирования профессиональных компетенций курсантов вузов силовых ведомств позволяет выделить ряд сущност-

ных характеристик, вступающих в противоречие между собой. Согласованность в порядке формирования компетенций, с одной стороны, обеспечивает большую адаптивность выпускнику вуза силовых ведомств в процессе включения в профессиональную деятельность. С другой стороны, согласованность требований может существенно снизить вариативность поведения личности при выборе пути дальнейшего профессионального развития и самоопределения. Адаптивность обеспечивается за счет востребованности компетенций операционально-тактической группы. Индивидуальная вариативность стратегий самоопределения выпускника вуза силовых ведомств предполагает развитие способностей стратегически-профессиональной группы. Эта же группа может обеспечить и развитие пограничной деятельности в целом, оперативно предупреждая возникающие современные угрозы.

Литература

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования / И.А. Зимняя [Электронный ресурс] // Эйдос. 2006. № 5. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>.
2. Наследов А.Д. SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках / А.Д. Наследов. СПб. : Питер, 2005. С. 318–320.
3. Ромашкина Г.Ф., Татарова Г.Г. Коэффициент конкордации в анализе социологических данных / Г.Ф. Ромашкина, Г.Г. Татарова // Социология: 4М. 2005. № 20. С. 131–158.
4. Шишков А.И. Формирование профессиональной компетентности курсантов военных вузов в ходе тактико-специальной подготовки: дис. ... канд. пед. наук / А.И. Шишков. М. : ВУ, 2014. 278 с.

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕННОСТИ РОЛЕВЫХ ИМПОЗИТОВ У ОСУЖДЕННЫХ

Перевозкина Юлия Михайловна,
*заведующая кафедрой психологии личности и специальной психологии
Новосибирского государственного педагогического университета,
кандидат психологических наук
per@brk.ru*

Дмитриева Наталья Витальевна,
*профессор кафедры педагогики и психологии девиантного поведения
Санкт-Петербургского государственного
института психологии и социальной работы,
доктор психологических наук
dny2@mail.ru*

Качкина Лилия Сергеевна,
*старший психолог психологической лаборатории
исправительной колонии № 21 Главного управления
Федеральной службы исполнения наказаний по Новосибирской области,
кандидат психологических наук
berk_l@list.ru*

В статье рассматривается феноменология ролевых импозитов как одного из главных формообразующих компонентов личности. Описываются базовые методологические основы к пониманию бессознательных тенденций личности и их применимость в криминальной психологии. Раскрываются суть и содержание нового понятия «импозит» в современной психологии, отражающего ролевые основы личности. Приводятся данные эмпирического исследования сравнения выраженности 10 ролевых импозитов у осужденных и респондентов с отсутствием судимости, измеренных по авторской методике «Двухфакторных изображений тест». Полученные данные в результаты сравнительного анализа по U-критерию Манна — Уитни позволили утверждать, что у заключенных имеет место актуализация импозита Ребенка, который не соответствует возрастному диапазону испытуемых и свидетельствует об инфантилизации личности осужденного. При этом выраженность импозита Ребенка сопровождается такими характеристиками, как стремление к свободе, презрение оков, безрассудство, потребность добиться своего любыми средствами, что при диагностировании у взрослого свидетельствует о невротическом компоненте личности. Материалы статьи позволяют более глубоко понять бессознательные основы поведения личности с нарушенной социализацией.

Ключевые слова: бессознательное, архетипы, импозит, ролевые инварианты, криминальная психология, нарушенная социализация.

SPECIFICS OF ROLE IMPOSITION INTENSITY OF CONVICTS

Perevozkina Yulia M.,
*Head of the Department of Personality Psychology and Psychology for Special Needs
of the Novosibirsk State Pedagogical University,
Candidate of Psychological Sciences*

Dmitrieva Natalya V.,
*Professor of the Department of Pedagogics and Psychology of Deviant Behaviour
of the Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,
Doctor of Psychology*

Kachkina Lilia S.,
*Senior Psychologist of the Psychological Laboratory
of the Federal State Institution Correctional Facility 21
of the Chief Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia
for the Novosibirsk Region,
Candidate of Psychological Sciences*

In article the phenomenology role imposes as one of the main form-building components of the person is considered. Base methodological bases to understanding of unconscious tendencies of the person and their applicability in criminal psychology are described. The essence and the maintenance of new concept "imposit" in the modern psychology, reflecting role bases of the person reveal. Data of empirical research of comparison of expressiveness 10 role imposes at condemned and respondents with absence of a previous conviction measured on an author's technique "Two-factorial images the test" are cited. Obtained yielded in results of the comparative analysis by Mann-Whitney U-test have allowed to assert, that at prisoners actualisation imposit the Child who mismatches an age range of examinees takes place and testifies about infantilism persons of the condemned. Thus expressiveness imposit the Child is accompanied by such characteristics as aspiration to freedom, contempt of fetters, recklessness, requirement to achieve the by all means, that at diagnosing at the adult testifies to a neurotic component of the person. Article materials allow to understand more deeply unconscious bases of behaviour of the person with the broken socialisation.

Key words: unconscious, archetypes, imposit, role variant, criminal psychology, broken socialization.

Актуальность работы продиктована увеличением числа преступлений в России и, соответственно, количества осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. По данным МВД Российской Федерации, с января по декабрь 2014 года зарегистрировано 2166,4 тыс. преступлений, при этом рост регистрируемых преступлений отмечен в 33 субъектах Российской Федерации, снижение — в 50 субъектах. С января по июнь 2015 года зарегистрировано 1131 тыс. преступлений. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 59 субъектах Российской Федерации, снижение — в 24 субъектах. В то же время, по данным ГУФСИН России, осуждено на начало июля 2015 года 657 тыс. человек. Указанная ситуация, безусловно, отражается на обществе, поскольку не каждый из освобожденных готов вести социально приемлемый образ жизни, о чем свидетельствует уровень рецидивной преступности, который остается достаточно высоким. По данным МВД Российской Федерации, каждое второе расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Вместе с тем мотивы и факторы преступных деяний остаются зачастую до конца не определенными. Именно поэтому выявление глубинных ролевых основ отклонения в социализации личности становится актуальным.

Анализ категории бессознательного позволяет говорить о ее эффективном использовании как в области диагностики, так и в области терапии. Начало использования феномена бессознательного было положено З. Фрейдом и продолжено в русле его последователей, одним из которых являлся К.Г. Юнг, работавший с бессознательным в рамках аналитической психотерапии.

Один из концептов бессознательного в работах К.Г. Юнга¹ был обозначен как архетип, или древний образ, включающий в себя определенные паттерны поведения, следуя которым древний человек понимал окружающий мир. Автор называл их высохшим руслом реки, предполагая определенную матрицу конкретного архетипа, наполнение которой будет зависеть от самой личности.

Современные исследователи активно используют категорию архетипа в различных областях: в социологии, в менеджменте и рекламе, в философии и филологии. Так, например, в социологии архетип рассматривается как образец межличност-

ного взаимодействия, в культурологии — как базовая культурная модель, в маркетинге — как универсальный образец формирования и восприятия рекламы и в общей сложности самой продукции, в литературе — как основная сюжетная основа, глубинный уровень произведения и т.д.

В наших ранних работах рассматривалась идентичность личности по отношению к архетипическому и мифологическому образам², определялись виды и структура архетипической идентичности³. Были выбраны среди архетипов образы, имеющие определяющие характеристики в ролевом взаимодействии и социализации субъектов⁴. В качестве таковых выступили ролевые инварианты: Ребенок, Дева, Герой, Мать, Отец, Старик, Старуха, Ведьма, Трикстер/Враг. Каждый из этих ролевых образов имеет мифологический мотив. Вместе с тем эмпирическое изучение архетипов, по мнению К.Г. Юнга, является несостоятельным. Тогда как операционализацией архетипа, доступной для наблюдения и исследования, описанной самим К.Г. Юнгом, является архетипический образ. Отпечаток архетипа на индивидуальной психике в виде сновидения, образа, художественной идеи или патопсихологического симптома находится в предметном поле психологии и при этом может указывать на то, о влиянии какого из архетипов в данный момент идет речь.

Поскольку перечисленные выше образы отражают исключительно аспект ролевого взаимодействия, считаем, что в данном случае стоит отойти от понятия «архетип», в строгом смысле означаящего «неуловимый, незаполненный образ», который каждый наполняет сам, и прийти к пониманию ролевых импозитов (лат. *impositio* — «первичный, основной»). Таким образом, можно дать определение ролевых импозитов как основных ролевых образов, участвующих в межличностном взаимодействии, восприятии мира субъектом и себя в нем, определяющих весь

² Перевозкина Ю.М. Структурные трансформации психосемантических пространств личности (на примере славянской культуры): дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2009. 219 с.

³ Перевозкина Ю.М., Перевозкин С.Б., Дмитриева Н.В. Структура архетипической идентичности: от недифференцированного сознания к постинформационному пространству // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 3. С. 157–162.

⁴ Перевозкина Ю.М., Дмитриева Н.В., Перевозкин С.Б. Импазо-ролевое прогнозирование особенностей социализации в коммуникативной сфере подростков // Смальта. 2015. № 4. С. 39–46.

¹ Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Мн.: Харвест, 2004. 400 с.

душевный облик личности, воздействуя на склонности, настроения, намерения, интересы и т.д.

Предполагается, что импозиты должны быть представлены в структуре личности в равной степени, но при этом может быть выражен один импозит, соответствующий полу и возрасту индивида. В случае несовпадения импозита половозрастному диапазону предполагаются деформация личности, невротизация, расстройства, деструкции, в том числе и совершение правонарушений. В нашей работе были показаны особенности девиантного поведения осужденных, которым свойственны выраженности защитных механизмов по типу компенсации, замещения, негативная оценка мира, конфликтность, внешний локус контроля и т.д.⁵ Данные особенности мешают адекватной социализации личности осужденного и приводят к нарушениям режима содержания в исправительных учреждениях. В этой связи необходимым становится выявление ведущего импозита и при его несоответствии — осуществление психотерапевтической работы.

Таким образом, целью настоящей статьи является определение особенностей проявления ролевых импозитов для выборки осужденных. Данная цель предполагала диагностику импозитов у осужденных испытуемых и респондентов с отсутствием судимости (контрольная группа). После чего проводился сравнительный анализ по U-критерию Манна — Уитни между двумя группами исследуемых. В качестве испытуемых выступили: контрольная группа — 36 человек, мужчины в возрастном диапазоне от 23 до 39 лет, работающие в различных профессиональных областях, имеющие среднее специальное и незаконченное высшее образование; экспериментальная группа — осужденные, отбывающие наказание в колониях Новосибирской области, в количестве 34 человек, мужчины в возрасте от 24 до 41 года (статьи: 228 «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств»; 105 «Убийство»; 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; 158 «Кража»; 162 «Разбой»; 264 «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств»; 166 «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения»; 167 «Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества»; 319 «Оскорбление представителя власти»; 318 «Применение насилия в отношении представителя власти»; 121 «Заражение венерическим заболеванием»).

Диагностика ролевых импозитов осуществлялась по авторской методике ДИТ («Двухфакторных изображений тест» Ю.М. Перевозкиной, С.Б. Перевозкина, Н.В. Дмитриевой, патент на изобретение № 2545908). В основу методики положен диагностический конструкт [6], в котором определены образы,

соответствующие 10 ролевым импозитам (Великая Мать — основной мифологический мотив проявлять заботу о других, Великий Отец — управлять, Мудрая Старуха — помогать, Мудрый Старец — учить, Дева — подчиняться, Герой — побеждать, Ведьма — околдовывать, Враг — бунтовать, Ребенок — играть, Трикстер — дурачиться).

Результаты сравнительного анализа демонстрируют восемь значимых различий (см. таблица).

Было обнаружено четыре статистически значимых различия по импозитам «Мать», «Отец», «Старуха» и «Ребенок» в персональном аспекте между респондентами осужденными и не судимыми ($U = 342 : 468$ при $p = 0,01 : 0,05$). Все вышеперечисленные импозиты в большей степени представлены в структуре личности у осужденных, при этом преобладает импозит Отца, затем доминирует импозит Матери и импозит Ребенка, в меньшей степени выражен импозит Старухи (рисунок). В то же время в выборке респондентов с отсутствием судимости на первом месте стоит импозит Отца, затем в равной степени — импозит Матери и Старухи и на последнем месте — импозит Ребенка. Необходимо отметить органичность в структуре личности относительно актуализации импозита Отца в обеих группах, что свидетельствует о таких свойствах, как доминирование по отношению к окружающим, авторитарность, потребность в поддержании существующего порядка и осуществлении контроля.

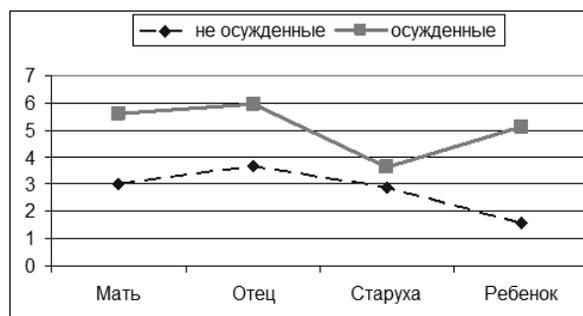

Рисунок. Различия усредненного профиля импозитов персонального аспекта в выборке осужденных и лиц с отсутствием судимости (в баллах)

Вместе с тем обнаруженная приподнятость профиля по импозиту «Ребенок» у осужденных ($M = 5,12$ балла) может означать определенную константность детских черт во взрослой жизни и свидетельствовать о невротическом компоненте личности, стремлении к свободе, презрении оков, безрассудстве, потребности добиться своего любыми средствами. В данном случае мы находим отражение полученного нами в литературе, в которой утверждается иждивенческая позиция заключенного, инфантильность, удовлетворение физических потребностей.

Кроме того, у осужденных выражен импозит Матери ($M = 5,59$ балла), отражающий преобладание сверхопеки и сверхподавления и гиперконтроля окружающих, желание заботиться о ком-либо. Данное обстоятельство объясняется с позиции основной

⁵ Дмитриева Н.В., Качкина Л.С., Перевозкина Ю.М. Особенности девиантного поведения осужденных, склонных к нарушению требований режима содержания в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 146–153.

Таблица. Сравнение импозитов у осужденных и лиц с отсутствием судимости (U-критерий Манна — Уитни)

Импозиты	М — не осужденные	М — осужденные	U	p-уровень	N — не осужденные	N — осужденные
Мать	3,00	5,59	438,0	0,035	36	34
Отец	3,67	5,97	462,0	0,053	36	34
Старуха	2,89	3,65	468,0	0,054	36	34
Старик	4,33	3,29	578,0	0,667	36	34
Дева	4,11	4,29	588,0	0,780	36	34
Герой	1,78	2,47	502,0	0,123	36	34
Ведьма	1,67	3,00	502,0	0,168	36	34
Враг	4,00	3,79	572,0	0,623	36	34
Ребенок	1,56	5,12	342,0	0,001	36	34
Трикстер	8,22	6,03	464,0	0,081	36	34

ценности осужденных в период взрослости, а именно стремлением к материальному благополучию, заботе о семье.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ выявил у осужденных-мужчин особенности в выраженности ролевых импозитов, заключающихся прежде всего в актуализации импозита Ребенка, который не соответствует возрастному диапазону испытуемых и говорит об инфантилизации личности осужденного. При этом выраженность импозита Ребенка сопровождается такими характеристиками, как стремление к свободе, презрение оков, безрассудство, потребность добиться своего любыми средствами, что при диагностировании у взрослого свидетельствует о невротическом компоненте личности.

Кроме того, в структуре личности осужденных в большей степени представлены импозиты Отца и Матери, по сравнению с респондентами с отсутствием судимости, что отражает преобладание сверхопеки, сверхподавления и гиперконтроля окружающих, желание заботиться о ком-либо.

Литература

1. Дмитриева Н.В. Особенности девиантного поведения осужденных, склонных к нарушению требований режима содержания в исправительных учреждениях / Н.В. Дмитриева, Л.С. Качкина, Ю.М. Первозкина // Уголовно-исполнительское право. 2014. № 2 (18). С. 146–153.
2. Первозкина Ю.М. Влияние личностных особенностей на отношение к мифологическим персонажам / Ю.М. Первозкина // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 13. С. 315–324.
3. Первозкина Ю.М. Структурные трансформации психо-семантических пространств личности (на примере славянской культуры): дис. ... канд. психол. наук / Ю.М. Первозкина. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2009. 219 с.
4. Первозкина Ю.М. Импазо-ролевое прогнозирование особенностей социализации в коммуникативной сфере подростков / Ю.М. Первозкина, Н.В. Дмитриева, С.Б. Первозкин // Смалья. 2015. № 4. С. 39–46.
5. Первозкина Ю.М. Структура архетипической идентичности: от недифференцированного сознания к постинформационному пространству / Ю.М. Первозкина, С.Б. Первозкин, Н.В. Дмитриева // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 3. С. 157–162.
6. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.Г. Юнг. Мн.: Харвест, 2004. 400 с.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ

Белых-Силаев Дмитрий Владимирович,
главный редактор журнала «Юридическая психология»,
преподаватель Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
юрист, психолог
014130@mail.ru

В статье проводится обзор перспективных направлений детекции лжи: графологического метода, психозондирования, электроэнцефалографического метода, магнитно-резонансной томографии, лазерной доплерометрии, исследования микрожестов, проверок при помощи анализаторов стресса по голосу, анализа траектории движения глаз.

Ключевые слова: психофизиологический метод, детекция лжи, полиграф, графологический метод, психозондирование, электроэнцефалографический метод, магнитно-резонансная томография, лазерная доплерометрия, исследование микрожестов, проверки при помощи анализаторов стресса по голосу, анализ траектории движения глаз, система EyeDetect.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL LIE DETECTION METHODS

Belykh-Silaev Dmitry V.,
Editor-in-Chief of Juridical Psychology journal,
Lecturer of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Lawyer, Psychologist

The article reviews perspective lie detection areas: graphological method, psychosounding, electroencephalographic method, magnetic resonance imaging (MRI), laser Doppler velocimetry, microgesture research, checks using voice stress analysis, eye movement trajectory analysis.

Key words: psychophysiological method, lie detection, polygraph, graphological method, psychosounding, electroencephalographic method, magnetic resonance imaging (MRI), laser Doppler velocimetry, microgesture research, checks using voice stress analysis, eye movement trajectory analysis, EyeDetect software.

Каждый знает, что ложь — это обычное явление. Среднестатистический психически здоровый взрослый человек врет 5–6 раз в день. Даже маленькие дети понимают, что они могут прибегнуть к плачу для привлечения к себе внимания, если даже может и не быть уважительной причины для плача. И у взрослых, и у детей наблюдаются невербальные проявления лжи. Эти невербальные реакции могут проявляться в целом ряде заметных признаков, таких как покраснение лица, подергивание губ, прищуривание глаз, повышенное потоотделение, излишняя просьба повторить вопрос, очевидное проявление нервозности и беспокойства и затруднения с глотанием.

Некоторым людям удается лгать лучше, другим хуже. В некоторых профессиях умение лгать является профессионально значимым умением, в связи с чем некоторые люди становятся исключительно искусными во лжи и практически не дают видимых невербальных проявлений лжи. Однако и они испытывают определенное эмоциональное напряжение во время лжи, в результате чего и у них возникает определенный физиологический ответ (реакция) на ложь в виде изменений кровяного давления, пульса, дыхания, тремора, что может быть зафиксировано с применением инструментальных методов детекции лжи.

Поскольку ложь является неотъемлемой частью нашего существования, почти неизбежными были попытки создания систем для определения лжи.

Так, еще древним грекам было известно, что пульс человека учащается, когда он лжет, и некоторые врачи использовали эти знания, когда им поручалось устанавливать факт супружеской неверности жен видных граждан.

Китайцы, а затем испанцы заставляли подозреваемого прожевать полный рот риса или сухого хлеба. Если испытуемому это удавалось легко, значит он говорил правду, но, если в силу сухости во рту рис (или хлеб) не прожевывался или прожевывался с трудом, это означало, что испытуемый лгал.

В Африке знахарь-врачеватель в буквальном смысле определял подозреваемых по запаху: считалось, что у лжеца от волнения усиливалось потоотделение, что проявлялось в интенсивном запахе от тела. В современной психологии также придается большое значение ольфакторному взаимодействию.

В наши дни классический компьютерный полиграф превратился в широко используемый инструмент для выявления (детекции) лжи, однако существуют и другие методы, постоянно находящиеся в развитии.

Развитие детекции лжи в будущем зависит от того, насколько новые технологии будут согласовываться с

современной практикой применения полиграфа в этих целях, а также от глубины теоретической и методической проработки новых направлений. Важно отметить, что наше понимание и теоретические представления о процессе лжи становятся все более сложными, так же как и методы, которые мы стремимся применять для ее выявления. На сегодняшний день с целью выявления скрываемой информации используются не только полиграфные проверки, но и другие методы детекции лжи, которые заслуживают определенного внимания. Например, Директива Министерства обороны США от 25 января 2007 г. официально дополнила полиграфные технологии неполиграфными методами, предназначенными для выявления скрываемой информации. Директива вводит новое понятие «оценка правдивости» (Credibility Assessment), которое относится к «междисциплинарной области существующих и потенциальных методов и процедур, предназначенных для оценки правдивости высказываний, основанных на измерении параметров как в физиологических системах человека, так и в его поведении, с целью определения соответствия информации, реально хранящейся в его памяти и содержащейся в его высказываниях». При этом устанавливаются жесткие критерии отбора новых методов и технологий для включения их в число разрешенных для практического использования в федеральных ведомствах США.

Директива также переподчиняет расширенную программу использования полиграфа, которая продолжает оставаться обязательной для одиннадцати военных разведывательных и контрразведывательных служб, переведя ее из Службы безопасности Минобороны (Defense Security Service) в Службу контрразведывательных операций (Counterintelligence Field Activity — CIFA). Контроль над реализацией новой программы будет осуществлять замминистра обороны по разведке. Кроме этого, в соответствии с Директивой «Институт полиграфа Минобороны США» (Department of Defense Polygraph Institute — DoDPI), лидирующая в мире организация в области целевых научно-прикладных исследований и разработки стандартов подготовки полиграфологов прекращает свое существование и преобразуется в «Академию оценки правдивости Минобороны США» (Defense Academy for Credibility Assessment — DACA).

В настоящее время можно выделить следующие направления в детекции лжи:

- графологический метод;
- исследования методом психозондирования (один из вариантов компьютерного психосемантического анализа — КПСА);
- электроэнцефалографический метод исследования мозговой активности;
- магнитно-резонансная томография (МРТ);
- проверки с использованием бесконтактных полиграфов;
- лазерная доплерометрия;
- исследование микрожестов;
- проверки при помощи анализаторов стресса по голосу;
- анализ траектории движения глаз.

Графологический метод

Графология — это наука, которая занимается изучением человеческой личности путем анализа ее почерка или подписи. Попытки охарактеризовать человека по его почерку были распространены еще в античности. Сам Аристотель утверждал: «...как нет людей одинаково говорящих, так и нет людей одинаково пишущих». Подтверждение этому можно найти и в словах Конфуция: «...почерк может достоверно указать, происходит ли он от великодушного человека или от того, кто вульгарен... бойтесь человека, почерк которого напоминает движение тростника, колеблемого ветром...»

В начале XX века доктор из Германии Людвиг Клагес предпринял крупную научную работу по определению и обоснованию принципов графологии, методов ее применения и интерпретации. Современные исследователи почерка считают доктора Клагеса отцом современной графологии.

В России о графологии стало более широко известно в конце XIX века из книги Ильи Федоровича Моргенштерна «Психографология», которая была переиздана в 1994 году. В настоящее время в развитых странах графологии придается большое значение. Она входит в программу обучения дипломатов ряда европейских стран. Графология давно используется спецслужбами и правоохранительными органами многих государств.

Не менее важная область применения данных графологии — это область судебной экспертизы документов: выяснение причастности данного лица к тому или иному документу, определение внутреннего состояния автора в момент писания, а по возможности и выявление различных физических и психических особенностей писавшего.

По почерку можно выявить следующие особенности личности: 1. Работоспособность, склонность к руководящей или исполнительской деятельности. 2. Склонность к проявлению агрессии, поведение в конфликтных ситуациях. 3. Волевые качества: целеустремленность, настойчивость, упорство. Графологию можно использовать не только в направлении общего психографологического анализа рукописных материалов (т.е. выявления основных психологических особенностей личности по почерку), но и в направлении установления взаимосвязи психологических проявлений в почерке, сопровождающих выдачу ложной информации при написании текстов (например, при анализе объяснительных по каким-либо событиям). Если почерк тесно взаимосвязан с эмоциональными проявлениями, то такие эмоции, как страх разоблачения и страх наказания, сопровождающие ложь в ходе ее детекции, вполне могут отражаться и в рукописных вариантах текста, написанного под контролем специалиста.

Психозондирование

Психозондирование — это выявление субъективной значимости групп слов, собранных из лексических единиц, близких по смыслу, в условиях маскированного предъявления и регистрации реакций,

не контролируемых сознательно. При помощи психозондирования можно обнаружить скрытую человеком информацию, при этом этот метод полностью исключает возможность целенаправленного влияния сознания человека на процедуру обследования и ее результаты. Кроме того, обследуемый до полного завершения всей процедуры может не знать сути ее диагностической направленности. Метод получения информации с использованием психозондирования был назван компьютерным психосемантическим анализом (КПСА).

Электроэнцефалографический метод исследования мозговой активности

Электроэнцефалография (ЭЭГ) — метод исследования головного мозга, основанный на регистрации его электрических потенциалов. Попытки использования изменений биоэлектрической активности головного мозга в ответ на действие различных стимулов, или иначе — вызванных потенциалов (ВП), предпринимались на протяжении нескольких десятилетий. Вызванные потенциалы отражают сложные когнитивные процессы, которые связаны с получением, хранением и извлечением информации об обследуемом лице и о событиях, в которых он участвовал. Мозговой ответ на значимый стимул более выражен, чем ответ на нейтральный стимул. Метод выявления скрываемой информации, названный Brain Fingerprinting («дактилоскопия мозга»), был запатентован Л. Фарвэллом в США и относительно широко применяется на практике. Целью метода является обнаружение в памяти человека следов преступления с помощью измерения волн головного мозга.

Магнитно-резонансная томография

Магнитно-резонансная томография (МРТ) — это метод исследования человека, в том числе мозга и жидкостей организма, с помощью физического явления — ядерного магнитного резонанса. За изобретение метода МРТ в 2003 году П. Мэнсфилд и П. Лотербур получили Нобелевскую премию. Ядерный магнитный резонанс — это избирательное поглощение веществом электромагнитного излучения. Для того чтобы получить изображение тканей того или иного органа (с помощью ядерного магнитного резонанса (ЯМР-изображение), человека помещают в цилиндрическую трубу с постоянным магнитным полем, в 30000 раз превышающим земное.

Когда человек говорит правду, он активизирует четыре области мозга, а когда лжет — семь. То есть для сочинения неправды людям требуется больше усилий. Это и отражается при исследовании на экране томографа. Недостаток метода на сегодняшний день состоит в том, что он требует очень дорогого и громоздкого оборудования.

Бесконтактный полиграф

При проведении оперативно-разыскных мероприятий в рамках оперативно-разыскной деятельности можно использовать неконтактные полиграфы, регистрирующие физиологические параметры без физического контакта с человеком.

Для регистрации неконтактными полиграфами используются такие основные каналы сбора данных: регистрация плетизмограммы лица с помощью инфракрасных датчиков, дистанционный съем информации биополей. Полученные данные обрабатываются на компьютере, после чего определяется наиболее значимая для проверяемого лица тема.

Интересные разработки по дистанционной регистрации физиологических показателей пульса и дыхания велись в институте Вейцмана в Израиле (The Weiztan Institute of Rehovot, Israel). В основу ряда приборов был положен принцип детектирования отраженного СВЧ-сигнала от грудной клетки человека. Многообещающими являются исследования в области термографии, где используют так называемые тепловизоры для оценки изменений кровоснабжения отдельных участков поверхности лица, прежде всего в области глаз.

Лазерная доплерометрия

Методы и устройства, работающие на основе принципа Доплера, определяют фазовый сдвиг между падающим на тело человека и отраженным лучами лазера на основе измерения интерференции, возникающей между ними. Доплер теоретически обосновал зависимость частоты звуковых и световых колебаний, воспринимаемых наблюдателем, от скорости и направления движения источника волн и наблюдателя относительно друг друга. Это явление впоследствии было названо его именем.

Внутренняя физиология обладает механическими компонентами, которые могут быть обнаружены в форме поверхностных колебаний кожи.

Исследование микрожестов

Когда человек лжет и пытается при этом сознательно сдерживать изобличающие его ярко выраженные жесты, то телом передается множество мельчайших микросигналов. Это может проявляться в искривлении лицевых мышц, румянце на щеках, испарине на лбу, расширении или сужении зрачков, учащенном моргании и множестве других мелких жестов, сигнализирующих об обмане. Лицо человека состоит из 53 различных лицевых мышц. Каждое сокращение любой из этих мышц натягивает кожу лица, что влечет изменение его выражения, а тем самым дает возможность обнаружить настоящие чувства обследуемого. Движение этих лицевых мышц является невербальным общением, которое может быть прочитано и интерпретировано с помощью системы Silent Talker. Система разработана в Великобритании, состоит из видеокамеры и программного обеспечения, которые устанавливаются на любом компьютере. У находящегося перед видеокамерой испытуемым система записывает и расшифровывает движение лицевых мышц при ответе на вопросы или во время обычного разговора.

Проверки при помощи анализаторов стресса по голосу

Проверка при помощи анализаторов стресса по голосу осуществляется выявлением скрываемой

информации при помощи технических устройств (анализаторов стресса по голосу), регистрирующих изменение динамики речевого сигнала в ответ на предъявленные в ходе процедуры стимулы и осуществляющих компьютерный анализ этих изменений. Все разработчики анализаторов стресса по голосу ссылаются на эффект Липпольда, который заключается в том, что все мускулы человека, включая голосовые связки, подвержены микроколебаниям с частотой 8–12 Гц, частота этих колебаний в спокойном состоянии не превышает 10 Гц, в стрессовом же возрастает до 12 Гц.

Регистрация реакций глазодвигательного аппарата человека

Проверка достоверности предоставляемой информации при помощи регистрации реакций глазодвигательного аппарата основана на идее о том, что человек по-разному реагирует на стресс, связанный с ложью: чем сильнее последствия лжи, тем сильнее уровень стресса, что вызывает изменения в работе. В 2017 году в России была проведена презентация системы EyeDetect («АйДетект»), которая измеряет биокогнитивные реакции, в том числе диаметр зрачка, моргание и фиксацию взгляда. В системе используется инфракрасная камера высокого разрешения, которая отслеживает трудноуловимые изменения в работе глазодвигательного аппарата, после чего результаты измерений обобщаются специальной программой и предъявляются на интерфейс компьютера. Точность полученных результатов при автономном использовании программы EyeDetect достигает 86%. При использовании системы в сочетании с классическим полиграфом надежность полученных результатов достигает 99%.

Разработка прибора EyeDetect началась в 2002 году, ее создатели профессора Раскин и Кирчер в 1991 году разработали компьютеризированный полиграф.

За рубежом система EyeDetect получила распространение благодаря научному консультанту компании Convegus («Конверус») Джону Кирчеру, который опубликовал более 90 научных работ и отчетов в области психофизиологической детекции лжи, а также работал в качестве консультанта по «детекции лжи» в Министерстве обороны США, Секретной службе США, Министерстве внутренней безопасности США, Государственном совете по исследованиям США.

В России система EyeDetect была представлена Рассом Уорнером и Саидом Хамзиным. С.Р. Хамзин (Россия) — специалист-полиграфолог, одновременно является членом Американской ассоциации полиграфологов, членом Британской и Европейской ассоциации полиграфологов. Расс Уорнер (США) — вице-президент компании «Конверус», которая является разработчиком и производителем EyeDetect. Он автор технической документации EyeDetect. Производит обучение по использованию EyeDetect по всему миру. В период разработки проекта Расс Уорнер совместно с профессорами Раскиным и Кир-

чером занимался подготовкой тестов для EyeDetect. Им было подготовлено более 500 тестов для проведения: кадровых (скрининговых) проверок; проверок иммигрантов, беженцев и подозреваемых в террористической деятельности; проверок лиц, подозреваемых в совершении общеуголовных преступлений; проверок спортсменов по итогам спортивных состязаний на предмет употребления ими допинга в период подготовки к соревнованиям.

Преимущества системы EyeDetect состоят в следующем:

- проведение теста возможно в условиях ограниченного бюджета времени; прохождение теста занимает около 30 минут, результат доступен в течение 5 мин., что повышает производительность труда полиграфолога; считается, что при работе на классическом полиграфе полиграфолог может проводить в день только два исследования; при использовании системы EyeDetect полиграфолог может проводить до 14 исследований в день;

- высокая точность, то есть распределение обследуемых по категориям «правдивый» или «лживый» осуществляется с точностью 86%; при использовании с классическим полиграфом степень надежности результата достигает 99%;

- бесконтактность технологии, т.е. к испытуемому не требуется подключать провода и датчики;

- простота в использовании, т.е. научиться управлению программой наблюдения за ходом теста (EyeDetected Test Proctor) и программой администратора панели управления (Dashboard Administrator) можно за 3 часа;

- компактность прибора позволяет использовать систему как стационарно в кабинете полиграфолога, так и в ходе командировок;

- многоязычность, т.е. в системе EyeDetect доступны тесты на разных языках, что создает широкие возможности применения прибора при работе с иммигрантами на пограничных пунктах контроля.

Литература

1. Белых-Силаев Д.В. Возможности применения полиграфа в Вооруженных Силах РФ / Д.В. Белых-Силаев, Н.М. Балашов, Н.М. Жуков // Актуальные психолого-педагогические проблемы образовательной и военно-служебной деятельности. Вып. 4. М. : ВУМО, 2015. С. 42–45.
2. Белых-Силаев Д.В. Психологические основы специальных психофизиологических исследований (СПФИ) с применением полиграфа в ключе «детектора лжи» / Д.В. Белых-Силаев, И.И. Буторин, И.В. Мишуткин, И.В. Шеломенцев // Юридическая психология. 2014. № 2. С. 38–40.
3. Белых-Силаев Д.В., Ларкин А.В. Экспресс-диагностика нервно-психической устойчивости с помощью анализа почерка / Д.В. Белых-Силаев, А.В. Ларкин // Сборник научных статей по результатам военно-научной конференции «Актуальные психолого-педагогические проблемы образовательной и военно-служебной деятельности», 15 марта 2013 г. Вып. 2. С. 110–123.
4. Хамзин С.Р. Реферативный обзор статьи Р. Нельсона «Научное обоснование исследований на полиграфе» / С.Р. Хамзин // Юридическая психология. 2017. № 1. С. 18–23.